

Уиб 5.908

Ски

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ПОСЛЪ ГОГОЛЯ

891(09)

М-60

3т

ЧТЕНІЯ, РЪЧИ И СТАТЬИ

ОРЕСТА МИЛЛЕРА

Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ проф. И. А. Шляпкина

ТОМЪ III

С. Т. АКСАКОВЪ.—П. И. МЕЛЬНИКОВЪ.
А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

Изданіе четвертое

ИЗДАНИЕ
ТОВАРИШЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
• ЕПБУРЪ • МОСКВА •

26381

Уиб 15.766

С. Т. АКСАКОВЪ ¹⁾.

Что это, и С. Т. Аксаковъ въ числѣ русскихъ писателей послѣ Гоголя? Да вѣдь если онъ умеръ семью годами позже геніальнаго родоначальника русскаго реализма, то вѣдь онъ началъ свое литературное поприще еще въ двадцатыхъ годахъ, даже ранѣе. Положимъ; но развѣ до своего знакомства съ Гоголемъ Аксаковъ былъ тѣмъ-же, кѣмъ сталъ подъ конецъ жизни Гоголя? Правда, уже въ «Буряѣ», напечатанномъ Аксаковымъ еще въ 1834 г., блистательно сказываются признаки того дарованія, которое такъ поразило читающую публику при появленіи «Семейной хроники». Но вѣдь и въ небольшомъ очеркѣ 1834 г. уже могло сказаться вліяніе Гоголевскаго, а отчасти, конечно, и Пушкинскаго реализма, хотя еще критикъ «Русской Бесѣды» напомнилъ о томъ, что Аксаковскій очеркъ появился «за два года до знаменитаго Пушкинскаго описанія бурана въ «Капитанской дочкѣ» ²⁾. Какъ бы то ни было, набрасывать прославившую его потомъ «Семейную хронику» Аксаковъ началъ только въ 1840 г., а отрывки изъ нея появились въ печати уже шесть лѣтъ спустя, въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846 г. Первый узналъ про эти отрывки и первый по достоинству ихъ оцѣнилъ не кто другой, какъ Гоголь,—этотъ младшій другъ С. Т. Акса-

¹⁾ Изъ лекцій, читанныхъ въ Спб. университетѣ въ 1887 г.

²⁾ Р. Бесѣда 1856 г., кн. 1, стр. 45. Отд. критики.

кова, имѣвшій несомнѣнное право считать его въ числѣ своихъ учениковъ. Первыми большими трудами Аксакова, сразу появившимися въ полномъ видѣ и впервые обратившими на себя вниманіе публики, были, какъ извѣстно: «Записки объ уженьи рыбы» (1847 г.), «Записки ружейнаго охотника» (1852 г.) и «Разказы и воспоминація охотника» (1855 г.). Вторая изъ поименованныхъ книгъ нашла себѣ восторженнаго цѣнителя въ одномъ изъ знаменитыхъ послѣдователей Гоголя, И. С. Тургеневъ. «Онъ смотритъ на природу (одушевленную и неодушевленную),—говоритъ объ Аксаковѣ авторъ «Записокъ охотника»,—не съ какой-нибудь исключительной точки зрѣнія, а такъ, какъ на нее смотрѣть должно: ясно, просто и съ полнымъ участіемъ... Передъ такимъ взоромъ природа раскрывается и даетъ ему «заглянуть» въ себя. Оттого... когда я прочелъ, напримѣръ, статью о тетеревѣ, мнѣ, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно... Если-бы тетеревъ могъ разказать о себѣ, онъ бы, я въ томъ увѣренъ, ни слова не прибавилъ къ тому, что о немъ повѣдалъ намъ г. Аксаковъ»¹⁾.

Объ охотничьихъ книгахъ Аксакова и о книгѣ его объ уженьи и критикъ «Р. Бесѣды» (Н. П. Г—въ), и критикъ «Отечественныхъ записокъ» (С. С. Дудышкинъ) замѣтили, что это не спеціальныя, а скорѣе поэтическія книги, хотя самъ авторъ, можетъ быть, и придавалъ имъ болѣе утилитарное значеніе (первое изданіе книги объ уженьи, по замѣчанію г. Н. Г—ва, отличается болѣею сухостью, чѣмъ второе, въ которомъ художническая натура автора окончательно одержала верхъ надъ его утилитарною цѣлью). Къ такому-же мнѣнію приходитъ и И. С. Тургеневъ, хотя, самъ страстный охотникъ, онъ способенъ былъ признавать у С. Т. Аксакова и многое поучительное въ чисто охотничьемъ смыслѣ²⁾. Въ какой-бы мѣрѣ ни признавали мы въ этихъ книгахъ

1) Соч. И. С. Тургенева, т. I, стр. 352.

2) «Не чуждыми вышней, спеціальной или практической цѣли» признавалъ охотничьи книги Аксакова и критикъ «Атеней» (А. Станкевичъ).

Аксакова и художественный интересъ, остается, кажется, только согласиться съ критикомъ «Русской Бесѣды», что «художественно изображенная охота возбуждаетъ наше сочувствіе только отрицательно...» «Въ сущности, эта борьба (т. е. борьба охотника съ представляющимися ему препятствіями) пуста... Сочувствіе и любовь охотника къ своимъ жертвамъ также пусты: ибо они обращены на природу, не имѣющую нравственнаго достоинства. Перейдите маленькую черту, и успокоивающее, а отчасти трогающее впечатлѣніе превратится въ комическое... Охотникъ въ пыли, наполовину въ грязи, съ едва переводимымъ дыханіемъ слѣдящій за движеніями маленькой птички, истощающій запасъ силы, ума и искусства, чтобы убить ее, не комическое-ли явленіе?»¹⁾ Иначе, конечно, смотритъ И. С. Тургеневъ, говоря, по поводу книги Аксакова, объ историческомъ значеніи у насъ охоты съ издавнихъ княжескихъ временъ, о томъ значеніи ея, какъ одного изъ видовъ оборонительной земской службы, которое сказывается, конечно, и въ слѣдующихъ словахъ Тургенева: «дайте мужику ружье, хоть веревками связанное, да горсточку пороху, и пойдетъ онъ бродить, въ однихъ лаптишкахъ, по болотамъ да по лѣсамъ съ утра до вечера. И не думайте, что бы онъ стрѣлялъ изъ него однѣхъ утокъ: съ этимъ-же ружьемъ пойдетъ онъ караулить медвѣдя на «овсахъ», вобьетъ въ дуло не пулю, а самодѣльный, кой-какъ сколоченный жеребій—и убьетъ медвѣдя; а не убьетъ, такъ дастъ медвѣдю себя поцарапать, отлежится, полуживой дотащится до дому и, коли выздоровѣетъ, опять пойдетъ на того-же медвѣдя съ тѣмъ-же ружьемъ. Правда, случится иногда, что медвѣдь опять его поломаетъ; но вѣдь русскимъ-же человѣкомъ сложена пословица, что звѣря бояться—въ лѣсъ не ходить»²⁾. Тутъ, разумѣется, нѣтъ уже пустоты, какъ нѣтъ и ничего комическаго; тутъ совсѣмъ другая сторона охоты, нисколько, разумѣется, не роняющая человѣческаго достоинства.

1) Р. Бесѣда 56 г., кн. 1, стр. 26. От. критики.

2) Соч. Тургенева, т. I, стр. 350.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно правъ, конечно, покойный Дудышкинъ, усматривая въ поэтической сторонѣ охотничьихъ книгъ Аксакова собственно только «фактъ той большой картины русской жизни, которая настоящій свой интересъ получаетъ лишь изображеніемъ чело-вѣка, обитателя этихъ лѣсовъ, этихъ безпредѣльныхъ полей». Но такое изображеніе даетъ намъ уже «Семейная хроника», воспроизводящая передъ нами, по замѣчанію того-же критика, жизнь русскаго чело-вѣка XVIII ст. въ цѣломъ рядѣ художественныхъ портретовъ ¹⁾.

Мы не станемъ по всему этому останавливаться не только на технической, но даже и на поэтической сторонѣ книгъ Аксакова объ охотѣ и уженъи, хотя-бы самъ Гоголь сказалъ, что въ птицахъ и рыбахъ Аксакова болѣе жизни, чѣмъ въ его собственныхъ, т.-е. Гоголевскихъ людяхъ, и хотя-бы въ разсказѣ 2-го тома «Мертвыхъ душъ» о двухъ мартынахъ (птицахъ) — мартынѣ, уже поймавшемъ рыбу, и мартынѣ, еще не поймавшемъ рыбы, и слышалось, какъ это кажется г. Н. Г—ву, вліяніе на самого Гоголя охотничьихъ сценъ Аксакова ²⁾.

Мы вполнѣ готовы допустить обратное вліяніе старика Аксакова на своего, сравнительно молодого, учителя. Но вѣдь тѣмъ-же критикомъ признано, что «окончательнымъ развитіемъ своего таланта Аксаковъ, безъ сомнѣнія, обязанъ Гоголю», который «первый вполнѣ показалъ намъ все художественное значеніе для насъ современной народной дѣйствительности...» «первый пригнулъ насъ совершенно къ землѣ, чтобъ оттуда, какъ все получаетъ себѣ жизнь и силу, такъ извлекалъ-бы ³⁾ себѣ и художникъ силу и одушевленіе». Это, конечно, не помѣшаетъ намъ признать и вѣрность мнѣнія покойнаго Дудышкина, что «манера Аксакова напоминаетъ манеру Пушкина въ повѣстяхъ послѣднихъ его лѣтъ» ⁴⁾. Но вѣдь существо-

1) Отеч. Зап. 56 г., апрѣль, стр. 72. Отд. критики.

2) Р. Весѣда 56 г., кн. 1, стр. 5. Отд. критики.

3) Тамъ же, стр. 43.

4) Отеч. Зап. 56 г., апрѣль, стр. 84.

вало-же и взаимовліяніе между Пушкинымъ и Гоголемъ. Замѣтимъ, наконецъ, тутъ-же, что иностранная критика оговаривалась совершенно справедливо: «хотя и ученикъ Гоголя, Аксаковъ не обладаетъ нисколько юмористическимъ талантомъ своего учителя и на предметъ свой, во всѣхъ его разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ, смотритъ съ совершенною ясностью»¹⁾. Эта «ясность» французскаго критика, повидимому, вполне соответствуетъ тому «полному безпристрастію къ дѣйствительности», какое замѣтилъ у Аксакова критикъ «Русской Бесѣды»,—«безпристрастію,—какъ пояснялъ онъ,—сочувствующему, желающему въ каждомъ явленіи отыскать свѣтлую сторону, которою-бы смягчалось впечатлѣніе, производимое его темною стороною». Въ этомъ справедливо можно видѣть у Аксакова шагъ впередъ, «возникающее,—по выраженію того-же критика,—въ немъ виднѣе, нежели въ другихъ, отрѣшеніе искусства отъ прежней отрицательности»²⁾. Покойный А. С. Хомяковъ, формулируя взглядъ «Р. Бесѣды», выразился такимъ образомъ, что С. Т. Аксаковъ «первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на нашу жизнь съ положительной, а не съ отрицательной точки зрѣнія»³⁾. Онъ такимъ образомъ достигъ того, къ чему такъ болѣзненно, а потому и такъ неудачно, сталъ стремиться Гоголь. Такимъ образомъ не только такой молодой ученикъ великаго юмориста, какъ Достоевскій въ своихъ «Бѣдныхъ людяхъ», но и такой старый его ученикъ, какъ Аксаковъ, въ извѣстномъ смыслѣ опередилъ учителя, т.-е. представилъ своего рода «поправку» или, вѣрнѣе сказать, дополненіе къ его направленію. Это нимало не упраздняетъ зависимости обоихъ отъ Гоголя, т.-е. отъ Гоголевской близости къ жизни, отъ его простоты и безыскусственности. Самъ С. Т. Аксаковъ признавалъ

1) Мнѣніе Делаво въ *Revue des deux Mondes*, сообщенное въ № 9 «Современника» 1857 г.

2) Р. Бесѣда 56 г., т. I, стр. 22. Къ тому же пришелъ и критикъ Русск. Вѣстника Ф. Дмитріевъ.

3) Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова т. I, стр. 15. Къ тому же въ сущности приходилъ и покойный П. В. Анненковъ въ «Современникѣ» 1856 г.

вліяніе на себя Гоголя, наприм., вспоминая, какъ во время оно сказалъ онъ кн. Шаховскому, что считаетъ оскорбленіемъ искусству представлять на сценѣ, какъ мошенники вытаскиваютъ деньги изъ кармановъ добрыхъ людей и плутуютъ въ карты. «Я, — замѣчаетъ онъ при этомъ, — былъ не совсѣмъ правъ и не предчувствовалъ Гоголевскихъ «Игроковъ»; неясно и нетвердо понималъ я, что высокое художество можетъ воспроизводить и пошлое и, до извѣстной степени, низкое въ жизни, не оскорбляя чувства изящнаго въ душѣ человѣческой»¹⁾.

Торжество надъ Аксаковымъ Гоголевскаго начала именно въ этомъ смыслѣ тѣмъ болѣе замѣчательно, что Сергѣй Тимоѣевичъ не только выросъ, но и возмужалъ, какъ это видно изъ его «Воспоминаній», совсѣмъ подъ иными литературными впечатлѣніями. Въ дѣтствѣ зачитываясь «Россіадою» и Сумароковымъ, въ юности принявъ сторону Шпшкова противъ Карамзинской новизны, онъ и позже очень долго носилъ на себѣ отпечатокъ псевдо-классическихъ вліяній. «Какъ не подивиться, — справедливо замѣчаетъ по этому поводу А. Станкевичъ, — что онъ могъ впоследствии рассказать свои воспоминанія простымъ, ровнымъ, точнымъ и прекраснымъ языкомъ»²⁾. Другой критикъ Аксакова, Ф. Дмитріевъ, отмѣтилъ въ воспоминаніяхъ нашего автора объ актерѣ Шушеринѣ тотъ фактъ, что его «простая, естественная игра увлекала зрителей, не умѣвшихъ объяснить себѣ своего увлеченія»³⁾. Надъ такимъ фактомъ, кажется намъ, стоило бы позадуматься. Прежде всего слѣдовало-бы сопоставить съ нимъ то, что рассказывается Аксаковымъ о старѣйшей изъ нашихъ театральнхъ знаменитостей, Дмитревскомъ. Вѣдь и онъ, выросшій на Сумароковѣ да на Княжнинѣ и дожившій только до Озерова, возставалъ противъ крайней напыщенности, сказывавшейся, подъ вліяніемъ господствовавшей школы, и у гораздо младшаго

1) Соч. С. Т. Аксакова, т. IV, стр. 102.

2) Атеней 1858 г. № 4.

3) Р. Вѣстникъ 1856 г., № 7, стр. 473.

Яковлева. Не ясно-ли, что стремленіе къ простотѣ могло проявиться у насъ на сценѣ еще въ самый разгаръ прививнаго псевдо-классицизма. Не сказалась-ли тутъ невольна побѣда надъ нимъ русской природы, и не этимъ ли объясняется и увлеченіе публики, хотя и иначе совсѣмъ воспринимавшей, простою, естественною игрою Шущерина? Какъ-бы то ни было, хотя самъ С. Т. Аксаковъ и не указываетъ на это, намъ невольно сдается, что вліяніемъ Шущерина на него самого, какъ записнаго театрала и публичнаго чтеца, подготовлено было литературное на него вліяніе Гоголевской простоты и естественности. Это послѣднее, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Во всемъ блескѣ сказалось оно уже въ «Семейной хроникѣ», появившейся въ полномъ видѣ только четыре года спустя послѣ смерти Гоголя (1856 г.)—тогда, когда успѣли уже привлечь къ себѣ вниманіе публики многіе изъ младшихъ учениковъ Гоголя, рѣчь о которыхъ и была у насъ ранѣе.

I.

«Семейная хроника».

«Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть и доброе и худое! Вы не великіе герои, не громкія личности; въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще, и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, такъ же любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь въ свою очередь будемъ любопытны и поучительны для потомковъ.... Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ» ¹⁾. Такъ напутствовали своихъ, какъ выразился

¹⁾ П. С. С. Аксакова, т. I, стр. 222.

онъ, совсѣмъ не героевъ самъ С. Т. Аксаковъ, уже этимъ прямо подавая критикѣ поводъ къ вышеприведеннымъ ея словамъ объ его художническомъ безпристрастїи и сочувственной снисходительности. Не даромъ и иностранная критика приходила къ подобному же о немъ заключенію. «Изображая,—говорилъ Делаво,—дикое состояніе нѣкоторой части русскаго общества при Екатеринѣ II, авторъ выставляетъ и тѣ природныя достоинства, которыми нѣсколько умѣрялась эта дикость». Нѣмецкїй-же критикъ въ объясненіе темныхъ сторонъ тѣхъ личностей, которыя выставлены Аксаковымъ, приводилъ параллели изъ западно-европейской жизни. «Разбросанность и уединенность жилищъ,—говорилъ онъ,—недостаточность сообщеній ...все это, сто лѣтъ тому назадъ, вызывало въ Германїи и Франціи такія же явленія, какъ въ Россїи: являлись грубый произволъ и дикое насиліе.... Но и тутъ,—оговаривался онъ,—человѣческая природа не теряетъ своихъ правъ, и въ господинѣ и въ рабѣ не умираетъ чувство чести, и среди глубочайшей одичалости громко говоритъ совѣсть». Сообщившій намъ отзывы о «Семейной хроникѣ» нѣмецкой критики, С. А. Рачинскїй дѣлаетъ изъ нихъ такой общїй выводъ; что «кровавая повѣсть о Куролесовѣ не возбудила ни отвращенія, ни удивленія, а характеръ Степана Михайловича находятъ чуть ли не идеальнымъ» ¹⁾.

Объясненіе этому любопытному факту можно найти въ самой же «Семейной хроникѣ»—тамъ, гдѣ говорится о палочныхъ ударахъ, которымъ, вмѣстѣ съ другими молодыми офицерами, подвергся сынъ Степана Михайловича по приказанію нѣмца-генерала, внушавшаго этимъ способомъ своимъ подчиненнымъ «благоговѣніе къ служба господня»,—какъ выражался на своемъ жаргонѣ этотъ нѣмецъ и лютеранинъ, по долгу службы всегда присутствовавшій при православномъ богослуженіи, но вовсе не считавшій неблагоговѣйнымъ прибѣгать къ палочной расправѣ въ сосѣдней съ домовою церковью комнатѣ.

¹⁾ Библиогр. Записки 1858 г., № 8.

«Большая часть этихъ господъ нѣмцевъ, — замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ, — и вообще иностранцевъ, служившихъ тогда въ русской службѣ, постоянно отличались жестокостью и большою охотою до палокъ» ¹⁾. Эта *иностранная* грубость, такъ долго сохранявшаяся и въ нашихъ управляющихъ изъ *нѣмцевъ*, поддерживаемая въ нихъ презрѣніемъ къ невѣжественнымъ представителямъ низшей расы, слишкомъ медленно уступала вліянію такъ давно развившейся на Западѣ культуры. Только у насъ вѣдь серьезно воображали, подъ вліяніемъ того восторженнаго культа культуры, къ которому насъ, наконецъ, привело наше продолжительное невѣжество, будто, на примѣръ, сентиментальныя повѣсти Карамзина, съ вызванными ими слезами надъ Лизинымъ прудомъ, должны были такъ рѣшительно содѣйствовать смягченію нравовъ. Иностранцы не поддавались подобному самообольщенію. Они знали, что реформація, при всемъ своемъ громадномъ культурномъ значеніи, не помѣшала протестантамъ соперничать въ варварскомъ истребленіи колдуновъ съ папистами, и что случаи сожженія вѣдьмъ возможны были въ Европѣ еще при началѣ французской революціи. Они понимали, что наиболѣе культурная часть общества, какъ часть привилегированная, могла упорно держаться очень многихъ жестокихъ привычекъ, коренившихся во властности ея положенія. Во властности-же, разумѣется, заключается и главное объясненіе дикихъ порывовъ Степана Михайловича, которые обуздывались въ немъ природною добротою его сердца едва-ли не въ большей степени, чѣмъ обуздываются такіе порывы хотя бы и при значительной, но односторонней воздѣланности ума.

Характеръ *той* властности, которою искажались лучшія стороны русской природы, конечно, является у Аксакова со всѣми специфическими сторонами нашего XVIII столѣтія, снявшаго съ русскихъ дворянъ всякія обязанности и предоставившаго имъ *права*, одни лишь

¹⁾ П. С. С. Аксакова, т. I, стр. 73.

права. При этомъ у самыхъ невѣжественныхъ изъ нихъ невольно сказывалось, конечно, и кое-какое позаимствованіе у чужой жизни—въ видѣ того увлеченія родовитостію, которое и Степана Михайловича Багрова привело къ фикціи, будто родъ его происходитъ отъ какого-то варяжскаго князя, а потому его сыну и не подобаешь бракъ съ внучкою казацкаго урядника, хотя, разумѣется, онъ не могъ-бы пріискать (да и не пріискивалъ) русскаго слова, сколько-нибудь соотвѣтственнаго слову *mésaillance*, (такъ какъ *неравный бракъ* выражаетъ у насъ совѣмъ не то) ¹⁾. Такая черта, разумѣется, всего менѣе могла поразить иностранныхъ читателей.

Властность и связанная съ нею *самоть* Степана Михайловича, уподобляющая его всеобщему сказочному царю—этому «вольному человѣку» (по выраженію русскихъ сказокъ), дѣлаетъ его и вообще такимъ представителемъ крупно развившагося личнаго начала, который не можетъ не прійтись сродни западно-европейскому читателю, давно привыкшему ко всевозможнымъ типамъ, возникшимъ изъ этого начала.

Степанъ Михайловичъ пересталъ считать себя вольнымъ въ своей родовой вотчинѣ, потому что она мало-по-малу стала разнопомѣстною,—и вотъ онъ затѣялъ переселиться. «Сказано—сдѣлано»—такова настоящая формула образа дѣйствій подобныхъ господъ. «Сказано—сдѣлано», несмотря на то, что «переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку», что «переселяться тогда въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться некрещенными—казалось дѣломъ страшнымъ» (т. I, стр. 9). «Сказано—сдѣлано», и вотъ Степанъ Михайловичъ—«одинъ полный господинъ, не только надъ своей землей, но и надъ чужой. Паси стада, коси траву, руби дрова—никто слова не скажетъ» (стр. 15). Жажда

1) П. С. С. Аксакова, т. I, стр. 6 и 81.

полной свободы заставляла Степана Михайловича говорить: «не хочу мѣшаться въ эти поганья дѣла» (стр. 63). А «мѣшаться въ эти поганья дѣла» — значило спасти отъ ихъ злодѣя-помѣщика крестьянъ двоюродной сестры, которую, однако-же, спасъ, при помощи своихъ крестьянъ, тотъ-же Степанъ Михайловичъ, такимъ образомъ вмѣшавшійся въ эти «поганья дѣла» ради близкаго человѣка, но только по отношенію къ страждущимъ мужикамъ державшійся «непротивленія злу», хотя тогда, конечно, еще не существовало теоріи Л. Н. Толстого.

А между тѣмъ Степанъ Михайловичъ былъ же способенъ, по добрымъ сторонамъ своей природы, быть полезнымъ своимъ крестьянамъ — насколько это ему было угодно и насколько это было возможно безъ особеннаго напряженія воли. «Я зналъ, — рассказываетъ С. Т. Аксаковъ, — внуковъ, правнуковъ тогдашняго поколѣнія, благодарной памяти которыхъ въ изустныхъ разсказахъ переданъ былъ благодѣтельный и строгій образъ Степана Михайловича, незабытаго еще и теперь» (стр. 18). Дѣло въ томъ, что какъ гнѣвъ, такъ и милость сказывались въ немъ совершенно *стихійно*, подобно тѣмъ разрушительно-бурнымъ и благодѣтельно-тихимъ днямъ, пестрая смѣна которыхъ сказывается въ природѣ. Чисто стихійнымъ оставалось въ немъ и самое чувство правды и справедливости, въ силу которыхъ «не было человѣка, кто бы ему не вѣрилъ» такъ какъ «его слова, его обѣщаніе были крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ» (стр. 4). Что это именно только лежало уже въ самой его природѣ, а не было выработано въ немъ борьбою и нравственнымъ уходомъ за самимъ собою, что онъ въ этомъ отношеніи какъ бы не понималъ самой возможности какихъ-нибудь соблазновъ и колебаній, ясно изъ того, что, по замѣчанію автора, «кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ: не только ничего не получить, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести» (стр. 18). Понятно, что при такой стихійности въ немъ самаго добра, при такомъ отсутствіи въ немъ сознательности, ему приходилось

подчасъ, желая добра, дѣлать прямо зло. Вспомнимъ, какъ первая надежда на то, что у него будетъ внукъ, возбудила въ старикѣ страстное желаніе порадовать кого-нибудь изъ своихъ людей,—и вотъ онъ выдалъ некрасивую и немолодую уже Аксютку за молодого, давно уже понравившагося ей красавца-парня. Въ результатѣ, конечно, оказалось, что «Аксютка ревновала съ утра до вечера, и не безъ причины, а Малышъ колотилъ ее съ утра до вечера и также не безъ причины, потому что одно только полѣно, и то не надолго, могло зажимать ей ротъ, унимать ея злой языкъ» (стр. 185). Замѣчая по поводу этого: «жаль, очень жаль! погрѣшилъ Степанъ Михайловичъ и сдѣлалъ онъ чужое горе изъ своей радости», авторъ и не касается того, сознавалъ ли Степанъ Михайловичъ свой невольный грѣхъ. Но, на основаніи всего, что о немъ говорится въ книгѣ, мы едва ли не имѣемъ права заключить, что онъ его такъ и не сознавалъ. Вѣдь и самая совѣсть сказывалась въ немъ какъ-то стихійно—въ томъ, напримѣръ, что послѣ страшной расправы съ ближайшими къ нему людьми ему вдругъ хотѣлось, чтобы они объ этомъ забыли и весело шли на его ласковый зовъ со всѣми очевидными признаками недавней расправы. При этомъ, конечно, въ немъ оставалось и самолюбивое чувство своей все-же-таки правоты,—такъ какъ гроза поднималась въ немъ изъ-за правды, принимала видъ карающаго отеческаго самосуда и самый голосъ совѣсти, возбуждаемый безчеловѣчною жестокостью его расправы, нашептывалъ ему только то, что надо же смѣнить свой, хотя и праведный, гнѣвъ на милость. Что-то въ родѣ сознанія и своей собственной настоящей вины сказывается въ немъ развѣ тогда, когда на его требованіе: «подайте Сережу», ему, однако-же, не подають внука, и онъ, вмѣсто того, чтобы грозно повторить свое требованіе, самъ идетъ къ его матери, такъ болѣзненно имъ озадаченной, обнимаетъ ее и ее нѣжно ей говоритъ, что ему «безъ невѣстыньки будетъ скучно» (стр. 19—20). Дѣло въ томъ, что въ природѣ его несомнѣнно заключаются любящія наклонности, только постоянно заглуша-

емья въ немъ прирожденнымъ избыткомъ властной самости. Затаенная въ основахъ его природы, прямо даже мягкость приводитъ его подчасъ и къ той полнѣйшей снисходительности къ дерзкимъ даже продѣлкамъ своихъ дворовыхъ людей, къ той снисходительности, въ которой, конечно, отзывается съ другой стороны опять-таки барское: «я караю, я и милую» (стр. 27—28). Конечно, не что иное, какъ доброта и нѣжная заботливость о любимомъ существѣ заставляютъ его не велѣть будить Ташюшу, про которую только что сказали ему, что она дурно провела ночь; между тѣмъ, эта же самая любовь и заботливость обращаются въ пытку для его милой дочери, которую, уже давно одѣтую, заставляютъ опять улечься въ постель, боясь доложить старику, что она уже встала, т.-е. что вышло не такъ, какъ онъ въ своей заботливости порѣшилъ.

Способность къ самой нѣжной любви сказывается и въ отношеніяхъ Степана Михайловича къ своей двоюродной сестрѣ, Прасковѣ Ивановнѣ, которую, несмотря на его грозный нравъ, женская хитрость умѣетъ, однако же, пристроить тайкомъ отъ него за такого человѣка, которому нужно было лишь «прибрать къ рукамъ ея богатство» (стр. 36). Не только свѣтлый, отъ природы проницательный умъ Багрова, но именно также и любовь къ сестрѣ, доводящая, такъ сказать, до сердечной прозорливости, даетъ ему возможность столь вѣрно разгадать Куролесова, такъ ловко замаскировавшагося отъ другихъ и даже отъ своей молодой жены, которую умѣлъ же онъ къ себѣ привязать такою прочной привязанностью. «Ласковыя рѣчи и почтительный тонъ не обманули Степана Михайловича, — замѣчаетъ авторъ, прибавляя, конечно, съ другой стороны, — при томъ дѣдушка былъ самой строгой и скромной жизни, и слухи, еще прежде случайно дошедшіе до него, такъ легко извиняемые другими, о безпутствѣ майора, поселили отвращеніе къ нему въ цѣломудренной душѣ Степана Михайловича, и хотя онъ самъ былъ горячъ до бѣшенства, но недобрыхъ, злыхъ и жестокихъ безъ гнѣва людей — терпѣть не могъ»

(стр. 37). Это послѣднее указаніе автора, замѣтимъ мимоходомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Багрову была, стало быть, противна холодная, преднамѣренная, расчетливая жестокость, при которой, разумѣется, невозможна никакая, даже инстинктивная, доброта, такъ громко опять пробуждавшаяся въ Степанѣ Михайловичѣ послѣ самыхъ жестокихъ проявленій его страшнаго гнѣва. Но вѣдь именно при такой стихійной страстности Багровской природы и представляется особенно замѣчательною его строгая и скромная, его цѣломудренная, какъ выражается авторъ, жизнь. Она, конечно, можетъ объясняться отводомъ всѣхъ страстныхъ поползновеній Багровской природы въ одну сторону—въ сторону рьянаго ратованія за правду, ратованія, понимаемаго односторонне и извращенно—въ смыслѣ постояннаго преслѣдованія и малѣйшихъ уклоненій отъ нея въ своей семьѣ одною патриархальною грозою. Всего же вѣрнѣе, конечно, цѣломудренность—Степана Михайловича объясняется силою его привязанности къ семьѣ, заставляющей его сосредоточивать свои чувства, не позволяющей ему проматываніемъ этихъ чувствъ на сторонѣ оскорблять дорогую для его сердца святыню семьи. Кромѣ жены и дѣтей, крѣпко и постоянно любя, какъ бы родной братъ, и свою двоюродную сестру, Багровъ любитъ ее вовсе не эгоистически; онъ готовъ увидѣть ее замужемъ, но за человѣкомъ, который былъ бы достоинъ ея, который понималъ бы, что настоящая человѣческая привязанность къ женщинѣ—это только привязанность сосредоточенная, прочная, способная лечь въ основу семейной жизни—съ ея святыней любви уже вовсе не страстной, не заполняющей всего человѣка, но оставляющей его свободнымъ для всѣхъ проявленій высшей человѣческой жизни. Все это, конечно, чувствуется Багровымъ чисто инстинктивно, но чувствуется имъ глубоко. Отсутствие всякаго эгоизма въ отношеніяхъ его къ Прасковьѣ Ивановнѣ, судьбою которой такъ легкокомысленно распоряжаются другіе, навлекающіе на себя за то, съ его стороны, такую ужасающую грозу, заставляетъ его, при всей его непреклонности въ своихъ рѣ-

шеніяхъ, сказать ей: «если черезъ годъ ты будешь также довольна своимъ мужемъ, и онъ будетъ также хорошо съ тобою жить, то я помирюсь съ ними» (стр. 46). Видя, какъ благополучно проходитъ не только годъ, но и нѣсколько лѣтъ, Степанъ Михайловичъ, преодолевая себя, способенъ даже признать хозяйственные распоряженія Куролесова дѣльными и сказать ему самому: «ну, братъ Михайло, ты изъ молодыхъ да ранній, и тебя учить нечего» (стр. 62) ¹⁾. А все же на повѣрку оказывается, что не даромъ Багровъ повторялъ такъ долго: «хорошъ парень, ловокъ и смысленъ, а сердце не лежитъ», и Прасковья Ивановна все болѣе и болѣе приходится убѣждаться въ томъ, что «изъ всѣхъ баловницъ и потатчицъ ея ребяческимъ желаніямъ—всѣхъ больше любить ее грубый братъ, противникъ ея счастья». Онъ-то, какъ извѣстно, и спасаетъ ее отъ мужа, обернувшись, наконецъ, настоящимъ извергомъ,

Своего рода сердечная прозорливость, а не однѣ причуды вообразившаго себя такимъ родовитымъ, отца-самодура, заставляють Степана Михайловича такъ долго сопротивляться намѣренію своего сына жениться на Софья Николаевна Зубиной. Прежде всего, конечно, его смущаетъ уже одно то, что его сынъ *влюбился*. «Онъ,—говоритъ авторъ про старика Багрова, — мало понималъ романтическую сторону любви, и мужская его гордость оскорблялась влюбленностью сына, которая казалась ему слабостью, униженіемъ, дрянностью въ мужчинѣ» (стр. 88). По поводу этого совершенно вѣрно замѣчено было покойнымъ Дудышкинымъ: «черта замѣчательная и особенно важная въ примѣненіи къ нашей старинной до-Петровской жизни,—черта, которою многое поясняется, а еще больше уничтожается фальшивыхъ драмъ, фальшивыхъ историческихъ романовъ, гдѣ наши степенные бояре безъ ума влюбляются въ красавицъ подъ романти-

¹⁾ По свидѣтельству автора, внукъ Степана Михайловича нашелъ въ бывшихъ крестьянахъ Прасковьи Ивановны даже благодарную память объ управленіи ея мужа, потому что они чувствовали постоянную пользу многихъ его учреждений (стр. 69).

ческими фатами». Критикъ при этомъ вмѣняетъ въ особенную заслугу С. Т. Аксакову то, что онъ въ своей характеристикѣ Степана Михайловича да и самой Софьи Николаевны обошелся «безъ помощи тѣхъ ресурсовъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ наши повѣствователи, т.-е. безъ помощи любви, какъ главной дѣйствующей страсти» ¹⁾. Да и одни-ли наши, готовы-бы мы спросить. Не романы-ли всего міра повѣствуютъ намъ—не о любви, безъ которой въ ея высокомъ міровомъ смыслѣ обойтись нельзя,—а о *влюбленности*, этой жадкой порабощенности одного человѣка другимъ или же обоюдной порабощенности двухъ существъ; а то, что это еще не опротивѣло, не довело читателей всего міра до повальной тошноты, — не объясняется-ли замѣчаніемъ доктора Крупова, что всѣ мы нѣсколько психопаты? Какъ-бы то ни было, но «Семейная хроника» С. Т. Аксакова, какъ и нѣкоторыя другія произведенія нашей новѣйшей литературы, дѣйствительно выводятъ насъ на новую дорогу, — такую, на которой можно будетъ обходиться — не безъ любви, повторимъ еще разъ, а безъ того, что не даромъ же русскій человѣкъ обозначаетъ презрительно-насмѣшливыми глаголами: *втюриться*, *връзаться* и т. п., выражающими то глупое положеніе, когда человѣкъ, ради личной страсти, теряетъ свою свободу, свою способность принадлежать себѣ, т.-е. своей сознательной связи съ обществомъ и всѣмъ высшимъ отправлениямъ своей духовной природы.

Но если Степанъ Михайловичъ оскорблялся влюбленностью своего сына, какъ признакомъ его «слабости, дрянности», то это, конечно, связывалось у него и съ тѣмъ, что онъ не могъ не признавать въ своемъ сынѣ и вообще довольно слабаго характера. «Она найдетъ себѣ получше и побойчѣе жениха, говорилъ онъ про Софью Николаевну женѣ и дочерямъ.—«Онъ ей не пара» (стр. 86). «Она,—твердилъ онъ самому влюбленному въ нее сыну,—горожанка, ученая, бойкая, привыкла послѣ мачихи

¹⁾ «Отеч. Зап.» 1856 г., стр. 84.

повелѣвать въ домѣ и привыкла жить богато, даромъ что сама бѣдна; а мы люди деревенскіе, простые и наше житье ты самъ знаешь, да и себя ты долженъ понимать: ты парень смиренный; но хуже всего, что она больно умна».—Отсюда у Степана Михайловича, при его свѣчаѣ и обычая, выеодъ короткій: «Ну такъ вотъ тебѣ мое отцовское приказаніе: выкинь эту любовь изъ головы». А кончается все-таки тѣмъ, что, когда эта любовь изъ головы у Алексѣя не выкидывается, старикъ сдается при всей своей обычной властности—сдается передъ страхомъ, что сынъ, пожалуй, и не даромъ грозить ему взять да и покончить съ собою. (Кѣмъ-то очень вѣрно было замѣчено, что старикъ не читалъ сентиментальныхъ романовъ, а потому и не догадывался о происхожденіи этой угрозы сына). Такимъ образомъ, любовь къ сыну,—любовь, можно сказать, прямо нѣжная, одерживаетъ верхъ надъ властною натурою отца. А старикъ, между тѣмъ, вѣдь правъ относительно своей невѣстки. «Поневоля должно признать, говоритъ авторъ, что въ основаніи ея характера уже лежали сѣмена властолюбія и что въ настоящее время, освобожденные изъ-подъ тяжкаго гнета жестокой мачихи, они дали сильныя ростки; что безъ вѣдома самой Софьи Николаевны—любовь къ власти была тайною причиною ея рѣшимости» (стр. 102) (т.-е. рѣшимости на бракъ съ Алексѣемъ, въ котораго она вовсе не была влюблена). И впоследствии, и самъ даже нѣжно привязавшись къ невѣсткѣ—за ея замѣчательный умъ и за ея умѣніе, при всемъ различіи въ воспитаніи, привычкахъ и даже взглядахъ, ладить со старикомъ, Степанъ Михайловичъ остался при своемъ взглядѣ. «Онъ былъ такъ уменъ, не смотря на то, что не получилъ никакого образованія, такъ тонко понималъ, не смотря на то, что выражался грубо, по топорному,—что почувствовалъ все неравенство природы этихъ двухъ существъ,—и крѣпко призадумался» (стр. 157). Не даромъ же говорилъ онъ Софьѣ Николаевнѣ: «дорогая невѣстушка, всѣмъ тебя Богъ не обидѣлъ, одно скажу тебѣ: не давай воли своему горячему сердцу; мужъ у тебя доб-

рый и честный человекъ; нравъ у него тихій и ты отъ него никогда терпѣть не будешь никакой обиды; не обижай же его сама. Чти его и поступай съ уваженьемъ. Не станешь почитать мужа—пути не будетъ. Что онъ скажетъ или сдѣлаетъ не такъ, не по твоему,—промолчи, не всяко лыко въ строку, не всяка вина виновата. Больно я тебя полюбилъ, вижу я тебя всю! (Какой чудный, собственный намекъ старика на ту прозорливость, которая вытекаетъ изъ любви). Ради Бога, не переливай черезъ край; все хорошо въ мѣру, даже ласки и угожденья». Сумѣвъ и къ себѣ привязать невѣстку, старикъ какъ будто тѣмъ самымъ сильнѣе ее привязалъ къ своему сыну. «Подобно всѣмъ страстнымъ, восторженнымъ людямъ, она перенесла нѣкоторую часть качествъ, плѣнившихъ ее въ свекрѣ, на своего молодого, прекраснаго друга и любила его въ то время больше, чѣмъ когда-нибудь» (стр. 146). Но вѣдь такъ оно было только на время. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше самая мягкость и ровность, самое его природное спокойствіе тяжело дѣйствовали на нее. Стоитъ только припомнить, какъ, послѣ бурной сцены съ нею изъ-за его сестеръ и послѣдовавшаго съ ея стороны раскаянія, «онъ проспалъ всю ночь преспокойно,—она всю ночь не спала» (стр. 164). Уже одного этого вполне достаточно, чтобы понять, до какой степени она только пыталась его идеализировать.

Все болѣе и болѣе оглядываясь вокругъ себя, она стала судить вѣрнѣе: «разумнѣе, снисходительнѣе смотрѣла она на чуждыхъ ей во всѣхъ отношеніяхъ свекровь и молодую золовку; съ меньшимъ увлеченьемъ взглянула на свекра и поняла, изъ какой среды вышелъ ея мужъ» (174).

Вотъ этого-то никакъ не могъ понять самъ столь умный и прозорливый свекоръ. Да, онъ никакъ не могъ понять, что именно ему-то, его слишкомъ частой семейной грозѣ и былъ обязанъ Алексѣй своимъ черезъчуръ податливымъ, мягкимъ, въ сущности совсѣмъ не мужскимъ характеромъ. На всѣ печальныя внутреннія послѣдствія домашняго строя Степана Михайловича, зави-

сѣвшія отъ его нрава и впоследствии отразившіяся даже на его внука (какъ то можно прослѣдить по «Дѣтскимъ годамъ Багрова»), справедливо обратилъ вниманіе еще покойный Шевыревъ (въ статьѣ своей объ этой послѣдней книгѣ ¹⁾). При всѣхъ обильныхъ задаткахъ любви въ своей природѣ, старикъ Багровъ былъ далекъ отъ того, чтобы сознательно возвести начало любви на степень руководящей силы въ семейной жизни. Онъ прямо потакалъ своимъ гнѣвнымъ наклонностямъ, придавая такую руководящую силу именно грозѣ, устрашающему значенію своей патріархальной власти. Это не мѣшало ему, какъ неоднократно показываетъ намъ авторъ, быть порою прямо пересиливаемому женскимъ упрямствомъ или же перехитряемому женскою хитростью; но онъ слѣпо держался за то же свое руководящее начало, невразумляемый никакимъ опытомъ, при всемъ своемъ свѣтломъ умѣ. Онъ держался въ семьѣ, этомъ маленькомъ своемъ государствѣ, той фикціи *сильной власти*, которая на повѣрку оказывается только властью самодовлѣющею, не желая вразумиться ничѣмъ, что настоящая сила власти именно и заключается въ любви. Такимъ образомъ становясь подчасъ для своихъ ближайшихъ настоящимъ Иваномъ Грознымъ, онъ создалъ въ лицѣ своего Алексѣя Степановича какое-то подобіе кроткаго и безличнаго Феодора Ивановича. Потому-то и лучшія стороны природы, не заглушенные въ немъ, какъ были онѣ наконецъ заглушены въ Грозномъ, но оставшіяся въ состояніи природной невольности, не спасли благороднаго Степана Михайловича отъ величайшаго изъ несчастій—стать виновникомъ нравственнаго несчастья въ своемъ потомствѣ. Все это, конечно, зависѣло отъ той безъидейности, до которой всегда доходитъ самоовладѣвающая властность. Какъ Грозный пришелъ наконецъ къ тому, что сталъ исключительно защищать свою власть, просто какъ власть; отрѣшивъ ее отъ высшаго ея назначенія, не думая даже о томъ, чтобы оправдать ея крайности служе-

1) «Русская Бесѣда» 1858 г.

нѣемъ землѣ,—такъ и старикъ Багровъ, на высотѣ своей барской безотвѣтственности и отрѣшенности отъ всякаго сознательнаго служенія общему благу, является въ сущности тѣмъ, что называется у народа самодуромъ, хотя и сохраняетъ до конца потребность смѣнять свои грозные дни днями свѣтлыми и спокойными. Мы не можемъ поэтому согласиться съ характеристикой старика Багрова у одного изъ современныхъ Аксакову критиковъ, въ которой является онъ выразителемъ основныхъ свойствъ всего русскаго народа. «Въ жизни,—по словамъ этого критика (т.-е. въ жизни народа), великая практичность; въ семьѣ полное самовластіе, въ области идей и смыслѣ нравственномъ—немногія обиходныя правила, почерпнутыя изъ жизни и укрѣпленныя обычаемъ той же жизни». Что касается такъ называемой практичности, то именно ея-то, пожалуй, и не было въ строгомъ смыслѣ у Степана Михайловича; но за то въ строгомъ смыслѣ не было у него и тѣхъ твердыхъ правилъ, той руководящей идеи, которыя заключаются для народа въ его бытовомъ началѣ—общинѣ. «Въ жизни дѣйствительной,—продолжалъ критикъ,—въ большинствѣ, онъ (т.-е. народъ), тѣснимый практическимъ умомъ, часто, можетъ быть, жертвовалъ безукоризненностью своей нравственности исторической пользѣ... Тогда онъ умѣлъ и терпѣть и хитрить... и, помощью этихъ двухъ новыхъ силъ, способенъ былъ управиться съ татаринномъ, вытерпѣвъ все, что только можетъ вытерпѣть человѣкъ, и перехитривъ своего врага, отъ котораго во время борьбы позаимствовался многимъ немягкимъ въ своемъ характерѣ» (85—86). Но Степану Михайловичу, продолжаемъ мы не сближать, а противопоставлять, совсѣмъ не приходилось кривить душой, потому что въ сущности не приходилось и терпѣть, бороться. Ему выпала красная доля той части русскаго народа, которая оторвалась отъ его общей, столь незавидной жизни, зажила своею особю, привольною верховою, но поплатилась за это утратою нравственно возвышающаго вліянія связи съ великимъ цѣлымъ, утратою и того руководящаго начала на-

роднаго быта, безъ котораго барская личность осталась вполне предоставленною самой себѣ, произволу своей властной самости. Старикъ Багровъ далекъ отъ сознанія всего этого, несмотря на свой свѣтлый и даже проницательный умъ; онъ вполне сжился со своею жизнью,—вольною и въ то же время столь узкою жизнью, отъ однообразія которой онъ находитъ спасенье въ семейныхъ буряхъ, способныхъ и помимо какого-либо байронизма подчасъ ему доставлять особаго рода покой. Въ этомъ отношеніи уже нѣчто иное представляетъ намъ, столь ненавистный Степану Михайловичу, мужъ его милой Прасковьи Ивановны. «Куролесовъ,—говоритъ тотъ же критикъ,—начинаетъ тяготиться деревенскою жизнью, тогда какъ Багровъ постоянно ею доволенъ... но въ этомъ стремленіи выйти изъ монотонной и недѣятельной жизни онъ бросается въ ту крайность, которая можетъ быть только у человѣка вполне необразованнаго... Будь Куролесовъ настолько доступенъ вліянію идей, насколько у него достаетъ сметки на каждое практическое дѣло (авторъ выставляетъ его, напомнимъ мы отъ себя, человѣкомъ очень способнымъ); будь душа этого человѣка занята мыслью въ безконечные праздные дни, будь она подготовлена къ принятію какого-нибудь благороднаго помысла, вѣрно Куролесовъ не кончилъ бы свой вѣкъ въ безобразныхъ оргіяхъ...» Въ этомъ много правды. Самъ С. Т. Аксаковъ замѣчаетъ, что «только дѣло спасало Куролесова, что когда онъ привелъ въ порядокъ обѣ новыя деревни, пьянство и буйство совершенно имъ овладѣли» (53). «Переходъ отъ трезвой дѣятельности къ безумной оргіи,—продолжаетъ критикъ,—какъ переходъ отъ старинной заунывной пѣсни къ плясовой, составлялъ характеристическую черту нашей старины» ¹⁾. Да, но и тутъ надо вѣдь умѣть различать такой переходъ въ народѣ, гдѣ онъ происходитъ по большей части съ горя или съ отчаянія, происходитъ ради того, чтобы хоть на время забыться отъ подобнаго же

1) «Отеч. Зап.» 1856 г. кн., стр.88—89 отд. критики.

перехода на той высотѣ барской жизни, гдѣ оргія принимаетъ характеръ какого-то особаго права или привилегіи. Не надо вѣдь забывать, что, по замѣчанію Аксакова, несмотря ни на какія оргіи, ни на какое безшабашное самоуправство, авторитетъ Михайлы Максимовича въ общественномъ мнѣніи росъ не по днямъ, а по часамъ. «Съ мелкимъ и бѣднымъ дворянствомъ, правду сказать, поступалъ онъ крутенько и самовластно, и хотя оно его не любило, но за то крѣпко боялось, а высшее дворянство только похваливало Михайлу Максимовича за то, что онъ не даетъ забываться тѣмъ, кто его пониже» (стр. 49). Только при такомъ общественномъ попустительствѣ или даже санкціи, «кровожадная натура Куролесова, воспламеняемая до бѣшенства спиртными парами, и развивалась на свободѣ во всей своей полнотѣ и представила одно изъ тѣхъ страшныхъ явленій, отъ которыхъ содрогается и которыми гнушается человѣчество. Это ужасное соединеніе инстинкта тигра съ разумностью человѣка» (стр. 50). Мы можемъ, пожалуй, привести параллель и изъ народныхъ былинъ, но собственно изъ тѣхъ былинъ Новгородскихъ, героемъ которыхъ является не крестьянскій сынъ Илья, а Васька Буслаевъ, котораго по теперешнему пришлось бы назвать богатымъ купеческимъ сынкомъ съ его «рукою владыкою» (къ такой параллели мы вернемся еще по поводу комедій Островскаго). Типъ этотъ столь же, конечно, не милъ народу, потому-то и сохранившему о Васькѣ такъ мало пѣсенъ, какъ, напротивъ того, милъ народу, сохранившійся въ такомъ громадномъ количествѣ былинъ, типъ Ильи. Но у Куролесовыхъ опорой для варварскаго ихъ самодурства служило не только богатство, но и гнусной памяти крѣпостное право. Оно-то окончательно имъ давало возможность доходить до того Карамазовскаго безудержа, который, разумѣется, существовалъ въ нашей жизни задолго до Достоевскаго, существовалъ въ разныхъ видахъ и былъ только формулированъ въ его общемъ широкомъ смыслѣ нашимъ великимъ психологомъ-романистомъ. Мы положительно знаемъ, что Куролесов-

щина продолжала еще держаться въ Оренбургской губернии даже въ то время, когда появилась «Семейная хроника», знаемъ по тогдашнимъ рассказамъ одного изъ тамошнихъ землевладѣльцевъ, нашего университетскаго товарища, которому вполне довѣряемъ. Да, еще въ то время, т.-е. почти наканунѣ отмѣны крѣпостного права, одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, занимавшій должность уѣзднаго предводителя дворянства, подвергшись опасности быть приколоченымъ однимъ изъ своихъ крестьянъ за любезности къ его женѣ, упекъ этого крестьянина въ Сибирь, а жену его оставилъ при себѣ. Другой изъ Оренбургскихъ помѣщиковъ продолжалъ въ то время пользоваться правомъ *primae noctis* — съ особенными изощреніями, достойными самыхъ гнусныхъ временъ Римской имперіи. Тотъ же изобрѣтательный сладострастникъ, въ случаяхъ гнѣва на своихъ крестьянъ, выжигалъ иногда у нихъ хлѣбъ, безъ разбора сдавалъ ихъ въ рекруты, а однажды, въ разгарѣ бѣшенства, погрозился всѣмъ годнымъ изъ нихъ забрить лобъ, остальныхъ же сослать въ Сибирь. Когда, вслѣдствіе крестьянскихъ жалобъ, по старанію тогдашняго вице-губернатора того края, варваръ помѣщикъ подвергся, наконецъ, заключенію, то почтенные дворяне Оренбургской губернии сердобольно навѣщали его, исполненные признательной памяти о роскошныхъ пирахъ, которые онъ имъ давалъ. По ходатайству своихъ доброхотовъ вскорѣ выпущенный на свободу, онъ удостоился приглашенія на обѣдъ къ губернатору, а виновнику его долгой невзгоды, вице-губернатору, сдѣланъ былъ строгій выговоръ. Кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что новому Куролесову приказано было жить безвыѣздно въ Вяткѣ. Былъ, наконецъ, въ то время на границѣ Оренбургской и Казанской губерній и такой шутникъ, который наставлялъ своихъ крѣпостныхъ въ воровствѣ и разбоѣ по проселочной дорогѣ и хранилъ у себя добычу, когда же къ нему наѣзжалъ исправникъ, по-просту говорилъ ему, что домъ дворянина не можетъ подвергаться обыску (находя, можетъ быть, возможнымъ подкрѣплять свои доводы и кое-чѣмъ

инимъ). Все это было записано нами со словъ нашего бывшего товарища въ 1858 г., когда появились, въ видѣ продолженія «Семейной хроники», и «Дѣтскіе годы Багрова внука», по поводу которыхъ написана была извѣстная статья покойнаго Добролюбова: «Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы». Замѣчательно, что въ статьѣ этой Добролюбовъ утѣшалъ себя такими соображеніями: «Нынѣ распространившееся образованіе измѣнило во многомъ даже деревенскую жизнь. Помѣщики, конечно, поняли нынѣ свои отношенія къ крестьянамъ гораздо лучше, чѣмъ прежде: доказательствомъ этого можетъ служить то радостное чувство, съ которымъ принимается ими, за исключеніемъ самыхъ грубыхъ и необразованныхъ, Высочайшая воля объ освобожденіи крестьянъ (?!)... Рѣдкій помѣщикъ въ наше время не выписываетъ журналовъ и хорошихъ книгъ. Слѣдовательно, у нихъ есть куда дѣвать свое время не безъ пользы... и, при помощи просвѣщающаго вліянія новыхъ книгъ, есть уваженіе къ человѣческому достоинству и въ лицѣ крестьянина» ¹⁾. На самомъ же дѣлѣ остатки Куролесовщины пережили крѣпостное право, и послѣдніе ея представители, въ числѣ всякаго другого подходящаго люда, нахватываемаго отовсюду, стали вербоваться въ ряды дѣятелей, посвятившихъ себя дѣлу разрушенія ради политическихъ цѣлей. Вотъ откуда произошелъ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго Николай Ставрогинъ.

Совершенно особеннымъ, и по своему положенію, и по своему характеру, является въ «Семейной хроникѣ» отецъ Софьи Николаевны, выслужившійся сынъ казацкаго урядника, Зубинъ—«человѣкъ, по выраженію автора, умный и честный, но слишкомъ нѣжный и слабый» (стр. 74), къ тому-же «носившій на себѣ печать уклончиваго, искагельнаго чиновника, который, начавъ съ канцелярскаго писца, дослужился до званія товарища намѣстника» (стр. 145). Та *нѣжность*, которой онъ даетъ въ себѣ проявляться такъ-же на свободѣ, какъ другіе герои «Хро-

¹⁾ Соч. Добролюбова, т. I, стр. 353.

ники» даютъ проявляться другого рода наклонностямъ, доходить наконецъ до противности, невольно заставляющей предпочесть ей грубость. Дѣло въ томъ, что эта нѣжность, непомѣрно развитая въ одну сторону, доводитъ его до безчувственности, до прямого равнодушія къ жестокости, даже мирволенья ей (или, говоря языкомъ Л. Н. Толстого, до «непротивленія злу»). Зубинъ — это вѣдь одинъ изъ тѣхъ милыхъ отцовъ, которые, овдовѣвъ, считаютъ, видите-ли, своимъ долгомъ опять жениться — конечно «ради дѣтей», на самомъ-же дѣлѣ ради самихъ себя (болѣе откровенные изъ нихъ позволяютъ себѣ сознаться какому-нибудь подростающему сыну, что безъ этого они не могутъ, — и это, пожалуй, еще лучшіе!). Зубинъ — одинъ изъ тѣхъ мерзкихъ отцовъ, которые являются на глазахъ у своихъ дѣтей въ дурацкой роли влюбленныхъ, которые, втюрившись по уши, позволяютъ своей второй женѣ обратиться въ гонительницу и мучительницу ихъ дѣтей. Къ счастью для Зубина, его вскорѣ постигаетъ несчастье — вторая его жена преждевременно умираетъ, и хотя онъ, вслѣдъ затѣмъ, самъ оказывается разбитымъ параличомъ, но въ немъ за то не въ конецъ разбивается его мужское и вообще человѣческое достоинство, — впрочемъ только до поры до времени. Все болѣе и болѣе позволяя своему физическому недугу одолевать себя, т.-е. и свою духовную сторону, онъ доходитъ наконецъ до того, что той самой дочери, которая была главнымъ предметомъ гоненій его жены, а послѣ ея смерти стала его правой рукой, рѣшается предпочесть своего крестника калмыка, бывшаго любимца его второй жены, сумѣвшаго во время отлучки Софьи Николаевны, приноровившись къ его вкусамъ, съ какою-то нѣжностью ухаживать за больнымъ. Родная, дѣйствительно нѣжно любившая его, несмотря на свою ссылку на кухню при мачихѣ, умная и даровитая дочь, которой одной онъ обязанъ былъ тѣмъ, что могъ, несмотря на параличъ, исполнять всѣ служебныя обязанности, — вынуждена, ради калмыка-любимца, выѣхать съ мужемъ изъ его дома — потому что къ отцу ея вполне примѣнима пословица «ка-

ковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку». Какъ всегда, такъ и теперь, Зубинъ весь уходитъ своей дряблой душой въ одно—въ привязанность къ существу, умѣющему лично ему понравиться—удовлетвореньемъ его похотливой жаждѣ усерднаго ухода, жаждѣ того, чтобы другое существо, какое-бы то ни было, хотя-бы только казалось отдавшимъ себя ему вполнѣ. Но отойдемъ поскорѣе отъ Зубина, къ которому, повидимому, душа не лежитъ и у самаго безпристрастнаго художника, умѣвшаго насъ заставить, хотя мы и чувствуемъ подчасъ ужасъ передъ старикомъ Багровымъ, не только вообще уважать, но отчасти и любить этого старика.

Женскіе образы «Семейной хроники», особенно Прасковьи Ивановны, не вполнѣ еще дорисованы въ ней, переходя и въ «Дѣтскіе годы Багрова». И Прасковья Ивановна, и Софья Николаевна, когда-то хотя и жертвы гнета, несмотря на то, а вѣрнѣе, пожалуй, и вслѣдствіе того, выступаютъ передъ нами, какъ женщины въ своемъ родѣ властныя, хотя и въ болѣе, конечно, смягченномъ смыслѣ, чѣмъ грозно-благодушный Степанъ Михайловичъ. Прасковья Ивановна впрочемъ проявляетъ свою властность въ «Семейной хроникѣ» собственно въ моментъ своего появленія передъ мужемъ, среди самаго разгара его отвратительной оргіи; — это, конечно, властность вполнѣ законная, чисто нравственная, напоминающая величавый образъ эпической Дамайнти въ моментъ ея расправы, силою своего негодующаго слова, со «святотатцемъ», напавшимъ на нее въ пустынь. Мы смѣло можемъ отнести не только къ спасителю Прасковьи Ивановны, Степану Михайловичу, но отчасти и къ ней самой, золотыя слова нашего автора: «да, есть нравственная сила праваго дѣла, передъ которой уступаетъ мужество неправаго человѣка» (стр. 65). Да, и въ ту минуту, когда, въ отвѣтъ своей негодующей женѣ, Куролесовъ въ состояніи прибѣгнуть только къ палкамъ, мы заранѣе можемъ его признать уже на половину побѣжденнымъ. Впослѣдствіи въ той-же Прасковьѣ Ивановнѣ развивается властность уже другого рода—вовсе не освя-

ценная нравственною идеею, а просто желающая себя вознаградить за весь переиспытанный гнетъ причудливымъ произволомъ, властность, пользующаяся матерьяльнымъ своимъ положеніемъ для разыгрыванія среди окружающаго общества роли, немножко какъ будто-бы позаимствованной отъ супруга—роли величающагося надъ окружающими, презирающаго ихъ ради ихъ податливости, самодура въ юбкѣ. Но переходъ этотъ обнаруживается только въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова». Отчасти такой-же переходъ, хотя и въ болѣе мягкихъ формахъ, происходитъ и въ Софьѣ Николаевнѣ, но происходитъ и окончательно упрочивается въ ней уже въ «Семейной хроникѣ». «Загнанная, оборванная барышня,—говоритъ авторъ о Софьѣ Николаевнѣ, которую подлое лакейство, особенно приданные мачихи, обижали сколько душѣ угодно, втоптали въ грязь (подобно сказочной Попелюгѣ или Сандрильонѣ, прибавимъ мы отъ себя), — вдругъ сдѣлалась полновластною госпожею въ домѣ, потому что больной отецъ отдалъ ей въ распоряженіе все... Умудренная годами тяжелыхъ страданій, семнадцатилѣтняя дѣвушка вдругъ превратилась въ совершенную женщину, мать (т.-е. на первыхъ порахъ мать своихъ младшихъ братьевъ, завѣщанныхъ ей не кѣмъ инымъ, какъ самою-же умирающею и раскаявшеюся передъ нею мачихою), хозяйку и даже официальную даму, потому что, по болѣзни отца, принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги, и въ послѣдствіи сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи» (стр. 76 — 77). При развившемся отъ всего этого знанія себѣ цѣны, при неизбѣжномъ тутъ самолюбіи, Софья Николаевна не доходитъ однако-же до тѣхъ крайнихъ проявленій властности, которыя, даже и при добромъ направленіи, дѣлаютъ властность противною. Въ ней не проявляется ничего *самодурнаго*. Способная сильно прогнѣваться на своего слабого и спокойнаго мужа, въ отвѣтъ на выходки противъ нея его сестеръ не встрѣчая съ его стороны достаточно сильнаго отпора, способная даже проговориться отчасти объ

этихъ выходкахъ передъ крѣпко ее полюбившимъ свекромъ, Софья Николаевна способна однако-же и признать, хотя и не сразу, хотя сначала и почувствовавъ себя оскорбленною, основательность тѣхъ укоровъ ей, до какихъ наконецъ дошелъ ея слабый мужъ, — укоровъ въ томъ, что она необдуманно подвергаетъ его сестеръ отцовской грозѣ; она способна раскаяться въ томъ и просить у него прощенія (стр. 164). Старикъ Багровъ вполне понимаетъ ее, говоря о ней сыну: «жена у тебя больно умна и горяча, можетъ, иногда скажетъ тебѣ и лишнее, не балуй ее, сейчасъ останови и вразуми, что это не годится; пожури, но сейчасъ-же прости, не дуйся, не таи на душѣ досады, если чѣмъ недоволенъ; выскажи ей все на прямыя денежки; но вѣрь ей во всемъ: она тебя ни на кого не промѣняетъ» (стр. 176). Но Софья Николаевна не только умѣетъ жертвовать своимъ самолюбіемъ своей любви къ мужу; самолюбіе постоянно подавляется въ ней и тѣмъ чувствомъ справедливости, которое, по народному пониманію, служитъ прямою основою для настоящей, для нравственной власти. «Коли правъ, такъ и баринъ», — сказалъ при А. С. Хомяковѣ не про кого другого, какъ про самого-же себя, одинъ, чувствовавшій себя правымъ, крестьянинъ; и хотя Софья Николаевна, по городскому своему воспитанію, даже въ деревнѣ держала себя далеко отъ крестьянскаго міра, она какъ-то совпала, однако, въ этомъ отношеніи съ такимъ народнымъ міровоззрѣніемъ. Такъ, убѣдившись въ томъ, что калмыкъ дѣйствительно хорошо ходитъ за ея больнымъ отцомъ, она заставила себя примириться съ нимъ незадолго до смерти отца и позволила ему ходить вмѣстѣ съ нею за умирающимъ» (стр. 208). Конечно, тутъ дѣйствовала и просто любовь къ отцу, любовь, нимало не ослабѣвшая отъ его къ ней несправедливости. Но, при всей своей способности любить настоящею любовью, любить не *для себя*, а съ самоотверженіемъ, Софья Николаевна, при своей властности, огорчается тѣмъ, что мужъ, какъ она замѣчаетъ, любитъ ее уже не такъ пламенно, какъ въ пору своей, столь польстившей ея самолюбію, влюблен-

ности; отсюда въ ней ревность, усиливающаяся сознаниемъ зависѣвшей отъ извѣстнаго ея положенія утраты красоты,—ревность, поддерживаемая недостаточною, какъ ей кажется, внимательностью съ его стороны, объясняемою просто тѣмъ, что «какъ тутъ быть, если у одного нервы толсты, крѣпки и здоровы, а у другого тонки, нѣжны и болѣзненны, если приходили они въ сотрясеніе у Софьи Николаевны отъ того, что не дотрогивалось до нервовъ Алексѣя Степаныча» (стр. 196). При всемъ своемъ свѣтломъ умѣ, Софья Николаевна не въ силахъ сразу унять свою ревность и такимъ объясненіемъ его, такъ-называемаго, охлажденія къ ней, какъ то, что «восторженность на людей тихихъ, кроткихъ и спокойныхъ всегда производитъ непріятное впечатлѣніе» (стр. 217). Но Софья Николаевна не остается, однако, работою своей самолюбивой страсти. Она постоянно владѣетъ собою. Ея выдержанный нравъ объясняется, конечно, и тою весьма значительною образованностью, которую, воспользовавшись своимъ положеніемъ послѣ смерти мачихи, сумѣла сама доставить себѣ эта находчивая и неутомимая въ своей рьяности молодая дѣвушка. Образованность, ею пріобрѣтенная, вполне отражаетъ въ себѣ господствующій характеръ нашей образованности вообще—характеръ тепличности, отрѣшенности отъ нашей жизни, такъ долго доводившей образованныхъ нашихъ людей до совершеннаго равнодушія къ родному народу, до совершеннаго непониманья его и отъ него отчужденья. Отсюда-то, надо думать, въ справедливой и человѣчной Софьѣ Николаевнѣ такая жалкая слабость, какъ то, что она скрывала свое родство съ уфимской мѣщанкой, добрѣйшей и всею душою преданной ей, Катериной Алексѣевной (стр. 192), на взглядъ Софьи Николаевны—той-же, конечно, мужичкой. Отсюда и сильная нелюбовь просвѣщенной горожанки не только къ имѣнію ихъ Багрову (на то могли быть у нея особенныя основанія, зависѣвшія отъ недружелюбнаго отношенія къ ней золовокъ), но и къ деревнѣ вообще, хотя ей и было суждено не только почти постоянно жить, но даже и умереть въ этомъ немиломъ.

Багровѣ (стр. 168). Впрочемъ, нерасположеніе Софьи Николаевны ко всему деревенскому окончательно раскрывается передъ нами уже въ «Дѣтскихъ годахъ Багорова».

«Въ нашей литературѣ,—замѣтилъ въ свое время критикъ «Отечественныхъ Записокъ»,—мало женскихъ лицъ съ характерами, рѣзко, но психологически вѣрно очерченными, характерами сильными, взятыми не изъ фантазіи автора, а изъ дѣйствительной жизни. Такова Софья Николаевна, одаренная сильною волею и сильною любовью материнскою» ¹⁾. Но и эту свою сильную любовь со всѣмъ ея добромъ, а отчасти, пожалуй, и зломъ проявляетъ она уже въ «Дѣтскихъ годахъ Багорова».

Перейдемъ-же теперь къ ихъ разбору.

II.

«Дѣтскіе годы Багорова-внука». — «Наташа». — «Воспоминанія».

Замѣчательный, въ такой мѣрѣ едва ли даже ожидаемый авторомъ успѣхъ «Семейной хроники», изданной имъ одновременно со своими «Воспоминаніями», побудилъ С. Т. Аксакова, всего уже за годъ до своей смерти, издать «Дѣтскіе годы Багорова-внука», служащіе продолженіемъ Семейной хроники» (въ хронологическомъ порядкѣ они занимаютъ середину между нею и «Воспоминаніями»). Самъ указавъ въ своемъ обращеніи къ читателямъ на связь своей новой книги (написанной будто бы со словъ внука Степана Михайловича Багорова) съ прежнею, авторъ придалъ ей, однако, и самостоятельное значеніе, говоря, что «разказы эти представляютъ довольно полную исторію дитяти, жизнь человѣка въ дѣтствѣ, дѣтскій міръ, созидающійся постепенно подъ вліяніемъ ежедневныхъ новыхъ впечатлѣній» (Соч. С. Т.

¹⁾ «Отеч. Зап.» стр. 83. Отд. критики.

Аксакова, I, 331). Вотъ въ этомъ-то смыслѣ, какъ замѣтилъ критикъ «Русскаго Вѣстника», новая книга С. Т. Аксакова и «напоминаетъ намъ повѣсти Диккенса и труды одного изъ молодыхъ русскихъ писателей, пріобрѣтшаго извѣстность искусствомъ передавать впечатлѣнія дѣтства» ¹⁾ (подразумѣвается, конечно, гр. Л. Н. Толстой, «Дѣтство» котораго появилось еще въ 1852 г., «Отрочество» въ 1854, а «Юность» въ 1855—57 г., такъ что и въ этомъ случаѣ С. Т. Аксаковъ выступилъ только вслѣдъ даже за однимъ изъ самыхъ молодыхъ преемниковъ Гоголя).

Если вѣрно, какъ замѣтилъ другой критикъ ²⁾, что настоящимъ героемъ новой книги должно считать Сережу, то и тутъ оказывается связь съ «Хроникою», которая заканчивается извѣстіемъ объ его рожденіи, получаемымъ въ Багровѣ старикомъ Степаномъ Михайловичемъ, въ свое время очень недовольнымъ, что родилась внучка, но тогда же утѣшавшимъ себя мыслью, что за нею, конечно, послѣдуетъ и внукъ. Старикъ Степанъ Михайловичъ въ новой книгѣ уже доживаетъ свой вѣкъ. Онъ уже уходился и опустился, все почти сидитъ въ своихъ кожаныхъ креслахъ со множествомъ мѣдныхъ шишечекъ, производящихъ такое впечатлѣніе на Сережу, сперва таки побаивавшагося дѣдушки—вслѣдствіе, вѣроятно, молвы объ его грозѣ. Дѣдушкѣ сначала не нравится, что мальчикъ какъ будто сторонится отъ него; онъ болѣе привязывается къ его ласковой сестренкѣ Наташѣ, которую называетъ «козулькою», говоря, что она веселѣе Сережи, а онъ плакса, потому что слишкомъ скучаетъ безъ матери, на время отлучившейся изъ Багрова вмѣстѣ съ мужемъ. Когда же дѣдушка убѣждается въ томъ, что Сережа крѣпко привязанъ и къ отцу, между нимъ и мальчикомъ устанавливаются добрыя отношенія, продолжающіяся до самой смерти старика. Сережа подчасъ читаетъ ему «Дѣтское чтеніе» Новикова

1) т. Ф. Дмитриева «Русск. Вѣстн.» 1858 г.

2) А. Н. Бекетовъ въ томъ же журналѣ.

(стр. 287, 302, 305—306). Послѣ своей смерти дѣдушка становится снова страшнымъ Сережѣ, впервые знакомящимся тутъ со всѣми наружными послѣдствіями смерти. Но любовь къ дѣдушкѣ вызываетъ въ Сережѣ желаніе вмѣстѣ съ другими почитать по немъ псалтырь (стр. 336 и слѣд., стр. 381).

Не долго заживается послѣ своего грознаго, но любимаго мужа и бабушка Арина Васильевна, которой подѣ конецъ, по замѣчанію мальчика, «какъ-то ни до чего не было дѣла» (ч. II, стр. 35). Это не помѣшало ей, однако, по старой привычкѣ, въ присутствіи внука, схватить за волосы крестьянскую дѣвочку, подавшую ей не совсѣмъ чистый клочокъ пуха, и отхлестать ее ременною плеткой, такъ что мальчикъ въ испугѣ убѣжалъ (I, стр. 410). За то совсѣмъ уходились тетушки, которымъ поневолѣ приходится теперь лебезить передъ Сережиной матерью, какъ передъ полной хозяйкой, хотя она и всячески избѣгаетъ давать имъ чувствовать свою новую роль. Не уходилась только, а скорѣе вполнѣ развернулась живущая сама по себѣ, на всей на своей волѣ, бабушка Прасковья Ивановна. «Когда тебѣ захочется меня видѣть, милости прошу,—говоритъ она пріѣхавшей погостить къ ней съ дѣтьми Софьѣ Николаевнѣ,—не захочется, цѣлый день сиди у себя; я за это въ претензіи не буду... У меня и всѣ гости живутъ на такомъ положеніи. Я собой никому не скучаю, прошу и мнѣ не скучать». (II, 5). Чего бы, казалось, лучше? Но на повѣрку выходитъ, что она-то и требуетъ отъ гостей подчиненія нѣкоторымъ стѣснительнымъ особенностямъ своего «Домостроя». Такъ, на примѣръ, она было уже распорядилась однажды, чтобы высѣкли меньшого братца Сережи за то, что онъ громко плакалъ; правда, Софья Николаевна не допустила этого. Но чьи-бы то ни было дѣти должны у Прасковьи Ивановны обѣдать постоянно особнякомъ, рискуя остаться голодными, благодаря тому, что избалованная прислуга не подаетъ имъ подчасъ ничего. Софьѣ Николаевнѣ слишкомъ скоро приходится убѣдиться въ томъ, что слова Прасковьи Ивановны: «при-

казывай—все будетъ исполняться» остаются только пустымъ звукомъ. Дѣло въ томъ, что и сама Прасковья Ивановна вовсе не подозрѣвала, какъ часто не исполняется собственная ея воля. «Все вокругъ нея утопало въ безпутствѣ, потому что она ничего не видѣла, ничего не знала и очень не любила, когда говорили ей о чемъ-нибудь подобномъ». Это могло бы въ ней подорвать милую для нея фикцію той *сильной власти*, которой у нея на повѣрку совѣмъ не оказывалось, какъ и у большей части мнящихъ себя обладателями таковой. Она думала обладать подобною властью, не тревожа себя никакими заботами, никакимъ трудомъ, «не сознавая своихъ обязанностей и отношеній къ 1200 душъ подвластныхъ ей людей». Все это, конечно, объясняется тѣмъ, что когда-то, «еще ребенкомъ выданная замужъ родными своей матери за страшнаго злодѣя, испытавъ дѣйствительно всѣ ужасы, какіе мы знаемъ изъ старыхъ романовъ и французскихъ мелодрамъ, она уже двадцать лѣтъ жила вдовою. Пользуясь независимостью своего положенія, доставляемаго ей богатствомъ и нравственною чистотою цѣлой жизни, она была совершенно свободна и даже своевольна во всѣхъ движеніяхъ своего ума и сердца». По опыту зная, что значить дурно выйти замужъ, она спасла отъ необходимости непременно пристроиться свою бѣдную родственницу, пріютивъ ее у себя; но той, однако, живется у Прасковьи Ивановны такъ, что она постоянно чувствуетъ свое положеніе «бѣдной родственницы». Не даромъ Александра Ивановна рассказываетъ про нее Сережиной матери, до какой степени она избалована тѣмъ, что «за богатство ее всѣ уважаютъ, что даже всякій новый губернаторъ пріѣзжаетъ съ ней знакомиться». «Сама же Прасковья Ивановна, по словамъ той же родственницы, никого не уважаетъ и не любитъ (любить, скажемъ мы, всегда вѣдь значить себя ограничивать, болѣе или менѣе отдаваться другому), она своими гостями или забавляется, или ругаетъ ихъ въ глаза». Въ самомъ дѣлѣ, та свобода, которую, повидимому, она представляетъ имъ у себя, только замаскировываетъ въ ихъ глазахъ ту дѣйстви-

тельно полную свободу, которая составляетъ ея собственную львиную часть. Она всѣмъ безъ исключенія (или, можетъ быть, за исключеніемъ губернатора?) говорить *ты*, но никто, ни даже ближайшіе родственники, не рѣшился бы ей отвѣтить тѣмъ-же. Дѣло въ томъ, что это слово для нея уже исключительная привилегія. Ей и не снится то святое, то чудное для души употребленіе этого слова, которое связывается не съ главенствомъ, не съ возносящеюся властью, а съ крѣпкою привязанностью къ тому, кому оно говорится и неизбежно предполагаетъ взаимность; то употребленіе этого слова старшими по отношенію къ особенно дорогимъ для нихъ младшимъ, которое теряетъ для старшихъ всю свою прелесть, если эти любимыя дѣти, эти юноши не отвѣчаютъ имъ тѣмъ же, т.-е. не даютъ имъ этимъ знать, что и они, старшіе, не менѣе крѣпко любимы. Прасковья Ивановна, повидимому, не соображала, что и Богу говорятъ *ты*, при этомъ, конечно, гораздо болѣе Его любя и благоговѣя предъ нимъ, чѣмъ была бы на то способна сама Прасковья Ивановна. Да, ея отношенія и къ Богу были тѣ же барски-причудливыя. «Молится,—замѣчаетъ о ней Александра Ивановна,—по капризу, когда ей захочется, а не захочется, то и среди обѣдни изъ церкви уйдетъ» (II, стр. 5—7). Это, конечно, происходило у нея не отъ подмѣси къ религіи какой-нибудь рационалистической струйки—откуда бы могла она быть у Прасковьи Ивановны?—а именно отъ той барской причудливости, которая сказывалась у нея во всемъ. Такъ, изъ той же причудливости—и причудливости чисто-властной—Прасковья Ивановна задерживаетъ у себя слабого волею Алексѣя Степановича, а онъ вслѣдствіе этого застааетъ свою больную мать уже на столѣ (стр. 101).

Съ особенною силою авторъ налегаетъ въ своей новой книгѣ на дальнѣйшее развитіе типовъ Софьи Николаевны и ея мужа, особенно же первой. Тутъ мы всѣмъ уже коротко съ ней знакомимся, хотя подчасъ и далеко не къ ея выгодѣ. Ближе прежняго знакомимся мы и съ Алексѣемъ Степановичемъ, и онъ, напротивъ, часто

только выигрываетъ отъ этого въ нашемъ мнѣніи. «Сережа, — по вѣрному выраженію одного изъ критиковъ, — находится подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ условій, между которыми важнѣйшія и, по сущности своей, противоположныя — суть вліянія отца и матери, — вліянія свѣтскаго городского и сельскаго элементовъ» ¹⁾. Отецъ, какъ представитель послѣднаго, является вполне желаннымъ противовѣсомъ матери, и остается только пожалѣть, что, по слабости своей воли и потому, что онъ вообще стоитъ ей не въ уровень, онъ слишкомъ уступаетъ и тутъ женѣ, а мальчикъ поэтому становится матушкинымъ сынкомъ — не въ буквальномъ, а въ иносказательномъ смыслѣ этого слова.

Старикъ Степанъ Михайловичъ, однако-же, не ошибся въ томъ, что Сережа крѣпко любитъ и отца. Оно и не можетъ быть иначе, уже потому, что отецъ, хотя и не такъ къ нему нѣженъ, какъ мать, но гораздо ближе стоитъ къ природѣ и къ простымъ людямъ, т.-е. и къ дѣтскому возрасту.

«Оставшись наединѣ съ матерью, я спросилъ ее, — вспоминаетъ свое дѣтство Багровъ-внукъ, — отчего отецъ не ходитъ удить, хотя очень любитъ уженье? Отчего онъ ни разу не бралъ ружья въ руки, а стрѣлять онъ также былъ охотникъ, о чемъ не разъ рассказывалъ мнѣ. Матери моей были неприятны мои вопросы. Она отвѣчала, что никто не запрещаетъ ему ни стрѣлять, ни удить; но въ то же время презрительно отозвалась объ этихъ охотахъ, особенно объ уженьи, называя его забавою людей праздныхъ и пустыхъ, не имѣющихъ лучшаго дѣла, забавою, приличною только дѣтскому возрасту, и мнѣ немножко стало стыдно, что я такъ люблю удить» (II, стр. 47). Что касается стрѣльбы, то со стороны матери примѣшивалось тутъ, конечно, и нѣчто другое. «По моей усиленной просьбѣ, отецъ, — продолжаетъ припоминать Багровъ, — согласился было взять съ собою ружье, потому что въ поляхъ водилось множество полевой дичи;

¹⁾ А. Н. Бекетовъ въ «Русск. Вѣстникѣ» 1885 г.

но мать начала говорить, что она боится, какъ бы ружье не выстрѣлило и меня не убило, а потому отецъ, хотя увѣрялъ, что ружье лежало бы на дорогахъ незаряженное, оставилъ его дома. Я замѣтилъ, что ему самому хотѣлось взять ружье; я же очень горячо этого желалъ, а потому поѣхалъ нѣсколько огорченный» (II, стр. 49). Между тѣмъ разумной матери слѣдовало бы, конечно, побѣдить въ себѣ невольный страхъ, потому что, какъ бы тамъ ни судила она свысока объ охотѣ, а самая борьба съ какими-бы то ни было препятствіями и самая даже тѣнь опасности способны развивать въ мальчикѣ смѣлость, не давать ему окончательно стать такимъ, какимъ былъ Сережа, когда его посадили на самую смирную лошадь, и онъ вдругъ съ испугу вообразилъ, что она его уже понесла (I, 348). Не забудемъ, что мальчику стало при этомъ ужасно стыдно, а «благо тѣмъ, которые щадятъ, избавляютъ отъ унижительнаго сознанія въ трусости робкое сердце дитяти» (I, 376). Не вѣдь Софья Николаевна не нравилось даже и то, что отецъ водилъ Сережу собирать грибы, а при этомъ вѣдь не видно, чтобы она чего-нибудь боялась—змѣй, что ли? «Мнѣ очень было неприятно, —припоминаетъ сынъ,—что въ продолженіе всего обѣда мать насмѣхалась надъ охотой брать грибы и особенно надъ моимъ отцомъ, который для этой поѣздки отложилъ до завтра какое-то нужное по хозяйству дѣло. Я подумалъ, что мать ни за что меня не отпуститъ, и, такъ только, для пробы, спросилъ весьма нетвердымъ голосомъ: «Не позволите ли, маменька, и мнѣ поѣхать за груздями? Къ удивленію моему, мать сейчасъ же согласилась и выразительнымъ голосомъ сказала мнѣ: «только съ тѣмъ, чтобы ты въ лѣсу ни на шагъ не отставалъ отъ отца, а то, пожалуй, какъ займутся груздями, то тебя потеряютъ» (II, 63—64). Но вѣдь подобнымъ предположеніемъ, намекавшимъ на то, что отецъ—весь такъ ^и уйдетъ въ свои грузди, она прямо роняла отца во мнѣніи сына—ревнуя, что ли, Сережу къ отцу? Но, любя природу и занятія, или забавы, ставящія съ глаза на глазъ съ нею, Алексѣй Степановичъ любилъ

также и людей съ простымъ природнымъ умомъ. Софья Николаевна обыкновенно надоѣдало слушать его разговоры съ ними. Но однажды и она нашла забавными насмѣшливые рассказы старика-крестьянина о томъ самомъ помещикѣ Дурасовѣ, роскошь котораго еще недавно привела въ изумленіе Сережу. Ребенку досталось за это. «Ты точно былъ крестьянскій мальчикъ, — выговаривала ему мать, — который сроду ничего не видывалъ, кромѣ своей избы, и котораго привели въ господскій домъ» (II, 79). Теперь же вдругъ мужицкія насмѣшки надъ этимъ же самымъ Дурасовымъ, со всѣми его затѣями, приводятъ того же самаго Сережу вотъ къ чему. «Крестьянинъ насмѣхался надъ бариномъ, а я, — разсуждаетъ онъ, — привыкъ думать, что крестьяне смотрятъ на своихъ господъ съ благоговѣніемъ и всѣ ихъ поступки и дѣла считаютъ разумными» (II, 118). Почуяла ли умная Софья Николаевна, что въ подобномъ открытіи заключалась такая воспитательная сила, которая стоила цѣлаго множества книгъ? Намѣреніе Сережи прислушиваться съ этихъ поръ къ тому, что про нихъ говорятъ Параша съ Евсеечемъ, вызываетъ у нея лишь улыбку съ такимъ замѣчаніемъ: «Параша, особенно Евсеечъ служатъ намъ усердно, а что про насъ думаютъ, я и знать не хочу».

Не желая знать мужицкихъ думъ и недолюбливая мужицкихъ разговоровъ, Софья Николаевна огородила свой деревенскій домъ также и отъ народныхъ пѣсень. Случайно подслушавъ однажды Матрешу и похваливъ ея прекрасный голосъ, Сережа спросилъ ее, «отчего она никогда не поетъ въ дѣвичьей», а она наклонилась и шепнула ему на ухо, что его матушка не любитъ слушать ихъ мужицкихъ пѣсень. Онъ очень пожалѣлъ о томъ, потому что пѣсня и голосъ Матрешы заронились ему въ душу (II, 64). Матери, однако же, не удалось его окончательно уберечь отъ народныхъ сказокъ. Одну изъ нихъ онъ подъ старость пересказалъ на литературномъ языкѣ. Это тотъ «Аленькій цвѣточекъ», который, существуя въ отдѣльномъ дешовомъ изданіи, вошелъ и въ полное собраніе сочиненій Аксакова (т. II). Нелюбовь

къ народной поэзиі связывалась, конечно, у Софьи Николаевны съ тѣмъ городскимъ настроеніемъ, при которомъ она «равнодушно смотрѣла,—припоминаеть ея сынъ,— на зеленыя липы и березы, на текущую вокругъ воду; стукъ толчен, шумъ мельницы, долетавшій иногда явственно, когда поднимался вѣтерокъ, по временамъ затихавшій, казался ей однообразнымъ и скучнымъ; сырой запахъ отъ пруда, котораго никто не замѣчалъ, находила она противнымъ и, посидѣвъ съ часъ, уходила домой въ свою душную спальню, раскаленную солнечными лучами» (II, 55).

Доходило до того, что Софья Николаевна ревновала Сережу къ этой, нисколько ею нелюбимой природѣ. Когда еще въ раннемъ дѣтствѣ, скрѣпя сердце отпущенный ею поудить съ отцомъ, онъ вскорѣ оттуда возвращается къ ней, видя, какъ грустно ей было его отпускать ¹⁾, мы не можемъ, конечно, не признать прекрасною въ мальчикѣ эту способность ради матери отказаться отъ собственнаго удовольствія, какъ и ту силу его любви къ ней, при которой неприятное для нея и для него уже было вовсе не удовольствіе. Но мы не можемъ признать позволительнымъ злоупотребленіе этимъ съ ея стороны. А вѣдь прямо до такого злоупотребленія доходитъ она, когда, по поводу его столь естественныхъ весеннихъ побѣговъ отъ нея въ лѣсъ да въ поле, говоритъ ему, едва лишь онъ поостылъ къ этому: «ну, теперь ты, кажется, очнулся... а вѣдь ты былъ точно помѣшанный. Ты ни въ чемъ не принималъ участія, ты забылъ, что у тебя есть мать». Правда, конечно, и то, что самая любовь къ природѣ принимала у Сережи какой-то страстный характеръ, становилась «болѣзненнымъ устремленьемъ всѣхъ помышлений и чувствъ къ одному предмету», такъ что онъ при этомъ одностороннемъ стремленіи «не могъ ничѣмъ заниматься, скучалъ и привередничалъ» (I, 331). Но такая страстность была привита къ нему страстностью той же его матери, и исцѣленіемъ едва-ли могли служить

1) Томъ I, стр. 279—280.

ея страстные же ему упреки. Вѣдь довели же его такіе упреки до болѣзненно-преувеличенной мысли о томъ, что онъ «дурной, неблагодарный сынъ, котораго всѣ должны презирать». — «Подстрекая другъ друга, — вспоминаетъ онъ, — мы съ матерью предались пламеннымъ изліяніямъ взаимнаго раскаянія и восторженной любви; между нами исчезло разстояніе лѣтъ и отношеній, мы оба изступленно плакали и громко рыдали...» Въ самую эту минуту вошелъ отецъ... «Охота вамъ мучить себя понапрасну изъ пустяковъ, — сказалъ онъ, — и разстраивать свое здоровье. Ты еще ребенокъ, а матери это грѣхъ». И отецъ несомнѣнно былъ правъ. Но мать вслѣдъ затѣмъ наговорила много оскорбительнаго отцу, а мальчикъ повѣрилъ, что у отца мало чувствъ. Сердце его затѣмъ поутихло и опять раскрылось впечатлѣніямъ природы, но горячность матери росла уже постоянно. «Несмотря на мой дѣтскій возрастъ, — вспоминаетъ онъ, — я сдѣлался ея другомъ, ея повѣреннымъ и узналъ много такого, чего не могъ понять, что понималъ превратно и чего мнѣ знать не слѣдовало» (II, 43—44).

Это имѣло на Сережу тѣмъ болѣе рѣшительное вліяніе, что у него, за исключеніемъ сестры, вовсе не было сверстниковъ однолѣтокъ, не было товарищей. «Во все время моего дѣтства, — припоминаетъ онъ, — и въ первые года отрочества замѣтно было во мнѣ странное свойство: я не дружилъ съ своими сверстниками и тяготился ихъ присутствіемъ даже тѣгда, когда оно не мѣшало моимъ охотничьимъ увлеченіямъ, которымъ и въ ребячествѣ я страстно предавался. Это свойство называли во мнѣ нелюдимствомъ, дикостью и робостью, говорили, что я боюсь чужихъ... Это происходило, вѣроятно, отъ долговременной болѣзни, съ которою неразлучны отчужденіе и уединеніе, заставляющія сосредоточиваться и малое дитя... Еще болѣе оно происходило отъ постоянного, часто исключительнаго сообщества матери и постоянного чтенія книгъ. Голова моя была старше моихъ лѣтъ, и общество однолѣтнихъ со мною дѣтей не удовлетворяло меня, а для старшихъ я былъ самъ молодъ» (I, 347).

Этихъ старшихъ, къ сожалѣнію, было при немъ достаточно и притомъ такихъ, которые себѣ на потѣху позволяютъ себѣ дразнить дѣтей. Такіе-то милые старшіе стали играть на струнѣ того чувства собственности, раннее проявленіе котораго у Сережи являлось, конечно, также не особенно выгоднымъ признакомъ получаемого имъ воспитанія. (Вѣдь и вообще въ этомъ чувствѣ собственности мало возвышающаго въ насъ наше человѣческое достоинство). Они составили даже бумагу, подписавшись подъ руку его родителей, которою предназначавшаяся ему Сергѣевка передавалась въ видѣ приданаго за его сестрой одному изъ этихъ шутниковъ, поплатившемуся за то тѣмъ, что разъяренный мальчикъ пустилъ ему деревяннымъ молоткомъ въ голову, самъ же, послѣ перенесеннаго наказанія, слегъ въ постель. При этомъ бѣдный Сережа дошелъ до самой болѣзненной экзальтаціи, вообразивъ себя «какимъ-то героемъ, мученикомъ, о которыхъ читалъ и слышалъ, страдающимъ за истину, за правду» (I. 321). Но здравыя стороны доброй природы мальчика, къ счастью, одерживаютъ въ немъ верхъ. Пролежавъ два дня, онъ «вдругъ почувствовалъ сильное желаніе увидѣть своихъ гонителей, выпросить у нихъ прощеніе и такъ примириться съ ними, чтобы никто на него не сердился». Мать обняла его и заплакала отъ радости, что у него такое доброе сердце (326). Но не слѣдовало ли ей ограждать это сердце отъ такихъ легкомысленныхъ надъ нимъ опытовъ? Не дѣльнѣе ли бы это было, чѣмъ оберегать его отъ всякихъ соприкосновеній съ крестьянскимъ міромъ? Разъ только мать почему-то измѣнила себѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи, послушавшись чьего-то совѣта (исходившаго, конечно, со стороны какого-нибудь умнаго и образованнаго ея знакомаго). Она отправила Сережу съ мальчикомъ, и дома учившимся вмѣстѣ съ нимъ (тоже своего рода исключенье изъ общихъ правилъ), въ народное училище и онъ сдѣлался свидѣтелемъ жестокой расправы учителя (и у нихъ на дому ставившаго Сережѣ всегда однимъ балломъ больше, чѣмъ Андриушѣ—при совершенно оди-

наковыхъ ихъ успѣхахъ), жестокой его расправы въ классѣ съ учениками. «Трудно было примириться дѣтскому уму и чувству, — разсуждаетъ Багровъ, — съ мыслью, что... Матвѣй Васильевичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, съчь своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ (т.-е., прибавимъ мы, оставаться добрымъ и тихимъ, но собственно тамъ, гдѣ не позволили бы такого поведенія, т.-е. гдѣ поневолѣ не будешь злымъ и буйнымъ). Слишкомъ рано, — говоритъ онъ, — получилъ я это раздрающее впечатлѣнiе и этотъ страшный урокъ! онъ возмущилъ ясную тишину моей души» (I, 327).

Но вѣдь это бы не бѣда. Съ одною ясною тишиною не проживешь: нѣсколько ранѣе нарушить ее, значитъ вѣдь иногда — только заранѣе закалить свою душу на предстоящую, неизбежную для *полнаго* человѣка, встрѣчу съ жизнью. Вредно дѣйствуетъ собственно только одно: преждевременное омраченъе воображенія или, лучше сказать, — его загрязненіе раннимъ возбужденіемъ въ насъ извѣстнаго рода любопытства и гадкимъ удовлетвореніемъ этого послѣдняго.

Совершенно также случайно, какъ-бы по недосмотру, Сержѣ пришлось ознакомиться и со старостой Мироничемъ, и мальчикъ «никакъ не могъ примириться съ мыслью, что Мироничъ можетъ драться, не переставая быть добрымъ человѣкомъ». — «Житейская мудрость не можетъ быть понимаема дитятей, — поясняетъ онъ, — добровольныя уступки несовмѣстны съ чистотой его души». Онъ сталъ по этому поводу приставать къ родителямъ съ вопросами и надоѣлъ имъ, такъ что ему приказали или читать книжку, или играть съ сестрицей (I, 201). Но вѣдь худо тутъ именно то, что онъ *надоѣлъ* своими вопросами, т.-е. на самомъ дѣлѣ, что родителямъ нечего было ему отвѣтить. Вѣдь именно дѣтское-то чутье и оказывалось тутъ правымъ, потому что такъ называемая житейская мудрость должна же, наконецъ, быть упразднена настоящею высшею мудростью, должны же, наконецъ, быть откинуты, какъ воиучій хламъ, всякія уступки,

т.-е. всякія сдѣлки съ совѣстью, и долженъ же, наконецъ, восторжествовать сказочный идеаль Иванушки! Брезгая всѣмъ народнымъ, Софья Николаевна и не воображала, какая воспитательная сила заключается въ этомъ идеалѣ, лелѣющемъ и во взросломъ дѣтскую чистоту души, которая должна бы быть сохраняема, тогда какъ ея ясная тишина никакимъ образомъ не сохраняема.

Какъ ни старалась нѣжная, но далеко не всегда разумная, мать убересть своего сына отъ всякаго рода крестьянскихъ впечатлѣній, это рѣшительно не удавалось ей, а потому деревня должна была все болѣе и болѣе отталкивать ее отъ себя и въ воспитательномъ отношеніи. Хорошо, повидимому, зная мать, Сережа, однако, съ восторгомъ описывалъ ей крестьянскія работы и съ огорченіемъ видѣлъ, уже не въ первый разъ, что мать слушала его очень равнодушно, а его желаніе выучиться крестьянскимъ работамъ называла «ребячьими бреднями». Когда воротился отецъ, мальчикъ до-сыта наговорился съ нимъ о крестьянскихъ работахъ. Отецъ его уважалъ труды крестьянъ, онъ съ любовью говорилъ о нихъ, и Сережѣ было пріятно его слушать, а также высказывать свои собственные чувства и дѣтскія мысли (I, 414).

Но мальчикъ не только интересовывался крестьянскими работами; имъ овладѣвало также и «невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, не мужчинамъ только, но и женщинамъ, притомъ же тутъ и кормившимъ своихъ грудныхъ дѣтей, которыхъ вынимали онѣ на время изъ пристроенныхъ тутъ же, среди поля, люлекъ» (I, 273). Мальчикъ «сравнивалъ себя съ крестьянскими мальчиками, которые цѣлый день, отъ восхода до заката солнечнаго, бродили взадъ и впередъ, какъ по песку, по рыхлымъ десятинамъ, которые кушали хлѣбъ да воду, и ему стало совѣстно, стыдно, и онъ рѣшился просить отца и мать, чтобы его заставили бороновать землю... Оказалось, что онъ никуда не годенъ: не умѣетъ ходить по вспаханной землѣ, не умѣетъ держать вожжи и править лошадыю, не умѣетъ заставить ее слушаться. Ему

было стыдно и досадно, и онъ никогда уже не поминалъ объ этомъ» (II, 50—51). Мать, конечно, заранѣе на то и рассчитывала; у отца же не доставало ни крѣпости воли, ни болѣе глубокаго проникновенія въ воспитательное значеніе дѣла, чтобы не дать ему быть позабытымъ, чтобы вернуть къ нему сына—хотя бы позже. Будь отецъ и поглубже, и подтверже волей,—и задолго до Л. Н. Толстого могло бы тутъ что-нибудь выйти—въ смыслѣ даже болѣе дѣльнымъ, т.-е. дѣйствительно полезномъ и для барина, и для мужика.

При своей любви къ матери Сережа, инстинктивно любя и народъ, не хотѣлъ даже вполне повѣрить ей, обидной для его сердца, нелюбви къ народу. «Почему, маменька, вы не вышли къ нашимъ добрымъ крестьянамъ?—спросилъ онъ ее.—Они васъ такъ любятъ».—А потому,—отвѣчала она,—что бабушкѣ и тетушкѣ твоей стало-бы еще грустнѣе; къ тому-же я терпѣть не могу... ну, да ты еще малъ и понять меня не можешь...—«Долго ломалъ я голову,—поясняетъ онъ,—чего мать терпѣть не можетъ? Неужели добрыхъ крестьянъ, которые сами говорятъ, что насъ такъ любятъ!» (I, 405).

Эти «добрые крестьяне», въ сущности, составляютъ въ книгѣ о «Дѣтскихъ годахъ Багрова» настоящую, въ самомъ дѣлѣ, воспитательно дѣйствующую на него силу—«камень, который отвергли зиждущіе», но который долженъ-бы «лечь во главу угла». Недаромъ и покойный Добролюбовъ въ своей извѣстной статьѣ объ этой книгѣ замѣтилъ: «тутъ, какъ вездѣ, есть одна сторона отрадная, успокаивающая: это видъ бодрого, свѣжаго крестьянскаго населенія, твердо переносящаго всѣ испытанія, безъ отчаяннаго унынія, но съ постоянной надеждой на милость Божию и царскую» ¹⁾.

Между «не-народомъ» въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова» встрѣчается, можетъ быть, только одно лицо, совершенно, впрочемъ, эпизодическое, заслуживающее полного сочувствія и уваженія. Это тотъ самый С. И. Аннич-

¹⁾ Соч. Добролюбова т. I, стр. 385.

ковъ, пріятель Н. И. Новикова, который подарилъ Сережѣ Новиковское «Дѣтское чтеніе». Багровъ мимоходомъ припоминаетъ, что Аничковъ «не могъ простить покойной государынѣ (Екатеринѣ II), зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ» (I, 358). Мальчикъ, конечно, могъ только запомнить его слова, но не могъ себѣ дать отчета въ ихъ глубокомъ смыслѣ. Не понимаютъ-же ихъ и по сію пору многоученые російскіе мужи, такъ глубокомысленно разсуждающіе о томъ, что Екатерина не могла не распустить депутатовъ, такъ какъ «мы еще не созрѣли», и т. п.

Останавливаясь на этомъ, не можемъ-ли мы заключить изъ своего обзора «Дѣтскихъ годовъ», что они представляютъ не только внѣшнюю, но и несомнѣнную внутреннюю связь съ «Хроникой»?—Герой «Дѣтскихъ годовъ», Сережа, не является-ли прямымъ внукомъ старика Багрова—въ томъ смыслѣ, что, при всей своей доброй природѣ, отличается недостатками, которые поддерживаются слабостью его отца, слишкомъ робкимъ отпоромъ, даннымъ съ его стороны матери; эта-же слабость отца такъ-же точно порождена грознымъ свычаемъ и обычаемъ Степана Михайловича, какъ городскіе вкусы, нервная страстность и эгоистическая подкладка самаго чувства любви у Софьи Николаевны тѣсно связаны съ ея воспитаніемъ, ея судьбою и дальнѣйшимъ ея положеніемъ у ея отца. Съ другой стороны, въ своемъ родѣ играющій роль хора въ греческой трагедіи, простой народъ не является-ли въ той и въ другой книгѣ, при всемъ своемъ нравственномъ вѣсѣ, одинаково пребывающимъ на степени какого-то невѣсомаго?

Но между «Хроникою» и «Дѣтскими годами» существуетъ еще другая связь: по формѣ, по литературнымъ приемамъ. Въ этомъ отношеніи, какъ оно и замѣчено было чуть-ли не всѣми нашими критиками, оба произведенія рѣзко отличаются отъ «Воспоминаній». Эти послѣднія—въ самомъ дѣлѣ только *воспоминанія*, т.-е. въ нихъ передается, что вспомнится и насколько вспомнится изъ ви-

дѣннаго и пережитаго. Правда, вступленіе къ «Дѣтскимъ годамъ Багрова» сообщаетъ намъ слѣдующее: «Я самъ не знаю, можно-ли вполнѣ вѣрить всему тому, что сохранила моя память? Если я помню дѣйствительно случившіяся событія, то это можно назвать воспоминаніями не только дѣтства, но даже младенчества... Будучи лѣтъ трехъ или четырехъ, я рассказывалъ окружающимъ меня, что помню, какъ отнимали меня отъ кормилицы... Всѣ смѣялись моимъ рассказамъ и увѣряли, что я наслушался ихъ отъ матери или няньки и подумалъ, что это я самъ видѣлъ. Я спорилъ и въ доказательство приводилъ иногда такія обстоятельства, которыя не могли быть мнѣ рассказаны и которыя могли знать только я да моя кормилица или мать. Наводили справки и часто оказывалось, что дѣйствительно дѣло было такъ и что рассказать мнѣ о немъ никакъ не могли. Но не все, казавшееся мнѣ видѣннымъ, видѣлъ я въ самомъ дѣлѣ; тѣ-же справки иногда доказывали, что многого я не могъ видѣть, а могъ только слышать» (I, 233). Но такая феноменальная память, даже при сдѣланныхъ тутъ оговоркахъ, едва-ли не является авторскою фикціею. А вѣдь только съ такою памятью и можно-бы было написать «Дѣтскіе годы Багрова внука» и «Семейную хронику», подъ условіемъ такой-же феноменальной памяти и у тѣхъ, чьими рассказами пользовался авторъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, въ обѣихъ книгахъ не обошлось безъ того, что выходитъ уже за предѣлы памяти,—въ чемъ уже сказывается дорисовывающее воображеніе, творчество. Словомъ, обѣ книги можно-бы было озаглавить такъ-же, какъ Гете озаглавилъ свою автобіографію: *Wahrheit und Dichtung*, т.-е. *Правда и Вымыселъ* (былины сею времени и былиновы замышленія, какъ выразился пѣвецъ Игоря). Потому-то обѣ книги, при всемъ ихъ частномъ, семейномъ характерѣ, и являются чисто-художественными произведеніями.

Совсѣмъ не то уже «Воспоминанія»,—вполнѣ возможныя при очень, конечно, крѣпкой, но вовсе однако-же не феноменальной, т.-е. не баснословной, памяти. Тутъ, при всей подробности рассказа, во многихъ случаяхъ да-

леко уже нѣтъ той полноты образовъ, которая въ сущности и возможна только при участіи *Баянова замышленія*. Въ «Воспоминаніяхъ» оно вполне отсутствуетъ, а потому они—тѣ-же, хотя и очень живые, мемуары, передающіе намъ лишь *былины своего времени*.

Но у С. Т. Аксакова есть еще одно художественное произведеніе, оставшееся, къ сожалѣнію, неоконченнымъ вслѣдствіе смерти автора. Это повѣсть «Наташа», — новый отрывокъ изъ той-же семейной хроники, заключающій въ себѣ творчески воссозданную исторію замужества сестры автора, той самой, которая такъ часто упоминается въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова». Образъ ея и тамъ уже очень симпатиченъ. Наташа полна самой беззавѣтной, самой неревнивой любви къ брату, несмотря на то, что онъ любимецъ матери, и что бабушка и тетки напѣваютъ ей это въ уши. Такія вредныя внушенія не производятъ никакого впечатлѣнія на любящее сердце дѣвочки (II, 51). Она нѣжно жалѣетъ Сережу и ласкается къ нему, когда онъ лежитъ въ постели послѣ вынесеннаго имъ наказанія изъ-за раздражившихъ его большихъ шутниковъ.—«Я живо помню,—разсказываетъ Багровъ-внукъ,—какъ дѣдушка любовался на нашу дружбу съ сестрицей, которая, сидя у него на колѣняхъ и слушая мою болтовню или чтеніе, вдругъ безъ всякой причины прыгивала на полъ, подбѣгала ко мнѣ, обнимала и цѣловала, и потомъ возвращалась назадъ и опять всползала къ дѣдушкѣ на колѣни; на вопросъ-же его: «что ты, козулька, вскочила?» она отвѣчала: «захотѣлось братца поцѣловать» (I, 306).

Въ очеркѣ «Наташа» мы еще ближе знакомимся съ ея, т.-е. и съ Сережиной, матерью, и знакомимся, надо сознаться, съ не особенно выгодной стороны. «Г-жа Болдухина (такъ замаскировываетъ ее тутъ авторъ), сама не получившая никакого образованія, была женщина не глухая и горячая; но она держала Наташу до сихъ поръ въ совершенномъ отдаленіи и только недавно начала приближать къ себѣ». За то сама Наташа является тутъ, какъ дѣвушка, прямымъ дальнѣйшимъ развитіемъ того

чуднаго ребенка, съ которымъ мы познакомились въ «Дѣтскихъ годахъ» (Сережа въ нашемъ очеркѣ не играетъ роли, и авторъ видимо хотѣлъ придать этому очерку характеръ чего-то совершенно отдѣльнаго, и только И. С. Аксаковъ въ своемъ предисловіи къ нему указалъ на то, что передъ нами выступаютъ тутъ подъ новой фамиліей тѣ же Багровы). «Наташа, — говорится въ очеркѣ, — имѣла глубоко-нѣжное сердце, но безъ всякаго нѣжничанья, и сентиментальность по инстинкту ей была противна. Доброта ея была безпредѣльна и вполне развита отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Много чужихъ винъ перебрала она на себя и много за нихъ вытерпѣла отъ вспыльчивой и долго не любившей ее матери» (III, 16). Будучи нелюбимой дочерью, Наташа страстно любила мать и хотя по добротѣ своей не завидовала, но сердечно огорчалась, видя, какъ маменька бывала иногда нѣжна, заботлива и ласкова къ ея братьямъ и сестрамъ, особливо къ брату Петрушѣ (въ немъ, должно быть, скрывается Сережа, но о немъ упоминается только мимоходомъ). Наташа (теперь уже, замѣтимъ мы отъ себя, дѣвушка, а не ребенокъ, и все это очень уже хорошо понявшая) со слезами молилась Богу, чтобы мать ее также полюбила, и готова была на всякую жертву за одно нѣжное слово своей матери (III, 23). И вотъ ей представляется наконецъ неожиданный случай для сближенія съ матерью. Въ молодомъ человѣкѣ, высоко ею цѣнимомъ, мать видитъ для Наташи самаго достойнаго, самаго желаннаго жениха. Мать утверждаетъ, что такое счастье дочери составитъ и ея собственное счастье. «Наташа пришла въ безумный восторгъ отъ одной мысли, что отъ нея зависитъ счастье матери, — матери, для которой она была готова пожертвовать даже жизнью. Наташа мгновенно позабыла всѣ непріятныя впечатлѣнія, произведенныя на нее молодымъ Шатовымъ (даже смѣшное впечатлѣніе его кутанья и затыканія имъ себѣ ушей ватою въ теплый лѣтній вечеръ); въ эту минуту она не понимала, не чувствовала ихъ и съ радостнымъ увлеченіемъ, осыпая поцѣлуями и обливая слезами руки своей матери,

твердымъ голосомъ сказала: «я согласна, я желаю выйти замужъ за Ардальона Семеновича» (32). Она въ самомъ дѣлѣ вообразила, что любить его, потому что крѣпко любила мать. Не надобно, разумѣется, забывать, что, при тогдашнемъ воспитаніи, Наташа, какъ говорится, еще ничего тутъ не понимала, потому что оставалась ребенкомъ въ свои 16 лѣтъ. «Мать-же отъ такого послушанья была въ восторгѣ, расцѣловала свою красавицу, перекрестила ее уже въ третій или четвертый разъ... Полная радостнаго чувства дочерней любви, кромѣ этого чувства все позабывшая, скоро уснула «счастливая дочь»... (33). «За нѣсколько мѣсяцевъ смѣла ли она мечтать о такомъ сближеніи съ матерью, о такой ея любви, о возможности доказать ей свою дѣтскую, безграничную любовь...» (34). Но между тѣмъ, какъ Наташа, все далѣе и далѣе заходя въ своемъ увлеченіи, — въ сущности, не женихомъ, а матерью, готова была хоть завтра же идти подъ вѣнецъ, мать, напротивъ того, «ежеминутно открывая въ своей дочери драгоцѣннѣйшія качества и сердца, и нрава, и здраваго ума, котораго и не подозрѣвала, и видя въ то же время ея дѣтскую невинность, ея совершенное непониманіе важности дѣла, къ которому готова была приступить, мать думала о другомъ: какъ бы оттянуть свадьбу на годъ, какъ-бы сдѣлать такъ, чтобы женихъ прежде вполнѣ узналъ и оцѣнилъ, какое сокровище получаетъ» (36). Она почти въ ужасѣ, когда узнаетъ, что дочь поспѣшила уже дать слово и самому Шатову, тѣмъ боляе, что послѣ этого замѣчается съ его стороны нѣсколько довольно странныхъ шаговъ. Но вотъ наконецъ какія-то сомнѣнія въ вѣрности сдѣланнаго шага стали закрадываться и въ душу Наташи. Теперь она уже «съ дѣтской наивностью говорила матери, что терпѣть не можетъ, когда кто-нибудь смотритъ на нее такъ пристально, точно хочетъ узнать, что происходитъ у нея въ сердцѣ, и что она особенно не любитъ такихъ взглядовъ Ардальона Семеныча. Но главное, что ей не нравилось и чего она не сказала Варварѣ Михайловнѣ, это была медлен-

ность и вялость всѣхъ движеній и словъ ея жениха...» (48): Тутъ вскорѣ и обрывается очеркъ, такъ и оставшійся неконченнымъ, но прекраснымъ по замыслу, психологическимъ этюдомъ. Изъ предисловія И. С. Аксакова мы узнаемъ, что скороспѣлое дѣло должно было въ очеркѣ окончиться разрывомъ,—соотвѣтственно тому, что и въ дѣйствительности произошло съ сестрою Сергѣя Тимофеевича, которой исторію онъ и хотѣлъ тутъ воспроизвести, на основаніи ея же воспоминаній, но съ примѣсю, разумѣется, творческаго начала.

«Воспоминанія», первоначально появившіяся вмѣстѣ съ «Семейной хроникой», не только разсказываются въ первомъ лицѣ (подобно тому, какъ ведется разсказъ и въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова»), но даже выставляются всѣхъ подъ ихъ настоящими именами. Въ сущности, они представляютъ драгоцѣнный матеріалъ собственно для біографіи автора, а также и для характеристики времени. Мы коснемся ихъ лишь настолько, насколько они находятся въ связи съ предшествующимъ, т.-е. окончательно объясняютъ намъ то или другое въ «Семейной хроникѣ» и въ «Дѣтскихъ годахъ».

Про мать свою (Софью Николаевну «Семейной хроники») авторъ тутъ говоритъ: «Будучи необыкновенно умна, владѣя рѣдкимъ даромъ слова и страстнымъ, увлекательнымъ выраженіемъ мысли, она безгранично владѣла моимъ существомъ и вдохнула въ меня такую бодрость, такое рвеніе скорѣе исполнить ея желаніе, оправдать ея надежды, что я, наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда въ Казань» (для поступленія въ гимназію) (II, 154). Первая половина этой тирады свидѣтельствуетъ о томъ, что въ очеркѣ «Наташа» мать автора замаскирована не только особою фамиліею Болдухиной, но даже особою и менѣе выгодною характеристикой самаго ея ума и способностей. Вторая же половина тирады фактически подтверждаетъ то самообладаніе, на какое бывала способна Софья Николаевна, несмотря на всю свою страстность и порывистость. Умные и образованные знакомые сильно налегали на необходимость для нея

разстаться съ сыномъ,—ради того образованія, какое онъ можетъ получить только въ отдаленномъ губерньскомъ городѣ,—и любящая мать, рѣшившись принести такую жертву, заранѣе готовится и располагаетъ къ тому же и мальчика. Но разлука оказывается тѣмъ болѣе тяжелою, что, по гадкому обычаю тогдашнихъ учебныхъ заведеній, письма мальчика къ родителямъ должны были незанечатанными проходить черезъ руки начальства (II, 168) и такимъ образомъ не оказывалась впередъ возможною и вполне задушевная, безъ утайки, бесѣда мальчика съ матерью. Но нѣжное сердце матери вообще не выноситъ разлуки. Доходитъ до того, что въ жизни она учитъ своего сына солгать—притвориться больнымъ по уговору съ докторомъ—чтобы такимъ образомъ получить возможность быть уволеннымъ къ ней на продолжительный срокъ въ деревню (II, 188). Этимъ подтверждается и дорисовывается опять та материнская слабость, о которой такъ много говорится уже въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова». Описывая свою долгую побывку, въ видѣ отпуска, въ Аксаковѣ (соотвѣтствующемъ Багрову), авторъ не только упоминаетъ объ известной намъ нелюбви своей матери ко всему деревенскому, но и объясняетъ намъ это такимъ образомъ: «она получила, такъ сказать, нѣкоторое внѣшнее прикосновеніе цивилизаціи отъ чтенія книгъ и отъ знакомства съ *тогдашними* умными и образованными людьми,—прикосновеніе, часто возбуждающее какую-то гордость и неуваженіе къ простонародному быту» (II, 209). Кое-что, и даже очень важное, при описаніи этой побывки въ Аксаковѣ остается недоговореннымъ—потому, разумѣется, что тутъ мы уже прямо находимся въ области личныхъ воспоминаній со всею ихъ щекотливостью. «Мать моя,—говоритъ авторъ,—постоянно была чѣмъ-то озабочена и вообще разстроена: она нѣсколько менѣе занималась мною, и я, болѣе преданный спокойному размышленію, потрясенный въ моей дѣтской безпечности жизнью въ гимназій, уже не находилъ въ себѣ прежней беззаботности, прежняго увлеченія въ своихъ охотахъ, и съ большимъ вниманіемъ

сталъ вглядываться во все, меня окружающее, сталъ понимать кое-что, до тѣхъ поръ незамѣчаемое мною... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ жизнь въ Аксаковѣ уже не казалось мнѣ прежнимъ свѣтлымъ раемъ, а вторичное поступленіе въ гимназію, особенно ученикомъ своекоштнымъ—не представлялось страшнымъ событіемъ» (II, 213). Этотъ легкій намекъ едва-ли, однако же, не до-сказываетъ намъ того, что постепенно развивалось въ «Хроникѣ» и въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова»—т.-е. продолжающихся неладовъ между отцомъ и матерью, зави-сѣвшихъ отъ разницы ихъ темперамента, нрава, воспи-танія и взглядовъ, и поддерживаемыхъ, можетъ быть, еще болѣе прежняго тою болѣзненною ревностью жены, на которую, въ свою очередь, уже и тамъ указы-валось?

О самомъ Сергѣѣ Тимофеевичѣ узнаемъ мы изъ «Вос-поминаній» (это находится въ связи съ тѣмъ, въ сущ-ности совсѣмъ не мужскимъ, воспитаніемъ, какое дано было ему крайнимъ перевѣсомъ материнскаго вліянія), что онъ и въ старшихъ классахъ гимназіи продолжалъ бояться покойниковъ (II, 284).

По поводу этого и произошло одно изъ его столкно-веній съ тѣмъ достойнѣйшимъ педагогомъ, у котораго онъ жилъ въ Казани и который послужилъ для него противовѣсомъ одностороннему материнскому вліянію, хотя, къ сожалѣнію, противовѣсомъ, въ свою очередь слишкомъ рѣшительнымъ, крайнимъ. Это одно изъ наи-болѣе выдающихся въ «Воспоминаніяхъ» лицъ,—Гр. Ив. Карташевскій. Если мать своею нѣжною и въ то же время страстною привязанностью доводила и мальчика до нервной экзальтаціи и, забывая его ребяческой воз-расть, возводила его на степень своего повѣреннаго, то наставникъ, крѣпко его любя, считалъ нужнымъ его об-давать какимъ-то педагогическимъ холодомъ, постоянно держать его отъ себя на почтительномъ разстояніи. По справедливому мнѣнію самого воспитанника,—мнѣнію, высказанному имъ уже подъ старость, это имѣло свою положительно дурную сторону. «Я не могъ тогда оцѣ-

нить достоинства этого человека, — говоритъ онъ, — и не могъ бы его полюбить, если-бы мать не увѣдомляла меня потихоньку, что онъ меня очень хвалитъ, а не показываетъ этого только для того, чтобы я, по молодости своей, не избаловался отъ его похвалъ. Къ сожалѣнію, Григорій Ивановичъ держался этого ошибочнаго правила во все продолженіе своего полезнаго долговременнаго и важнаго служебнаго поприща, гдѣ приходилось имѣть дѣло не съ дѣтьми, а часто со стариками... Были хорошіе люди, которыхъ онъ оттолкнулъ отъ себя благонамѣренною сухостью обращенія и которые сочли его за человека гордаго и жесткаго, что было совершенно несправедливо» (231). «Онъ ни разу не приласкалъ меня, — продолжалъ Сергѣй Тимофеевичъ, — не польстилъ моему самолюбію какою-нибудь похвалою, не ободрилъ моего прилежанія, и со всѣмъ тѣмъ я любилъ его такъ горячо, какъ не любилъ никого изъ постороннихъ. Я помню, какъ одинъ разъ услышалъ я, что онъ смѣется; я заглянулъ въ его комнату и увидѣлъ, что мой строгій наставникъ, держа въ рукѣ какую-то математическую книгу, хохочетъ какъ дитя, смотря на играющихъ котятъ... Лицо у него въ то время было такое доброе, ласковое, даже нѣжное, что я позавидовалъ котятамъ. Я вошелъ къ нему въ комнату съ своей тетрадкой — и прежняя спокойная холодность, даже какая-то суровость, выразилась на его лицѣ» (246). Не трудно, кажется, вывести изъ этого разсказа, что, по мнѣнію автора «Воспоминаній», наставническій авторитетъ Карташевскаго нисколько бы не понизился, еслибы его воспитанику не пришлось завидовать котятамъ, а нерѣдко-бы приходилось видѣть воспитателя веселымъ, готовымъ шутить и смѣяться съ юношами, признавая права молодости и понимая, что чѣмъ дольше она не проходитъ, тѣмъ лучше. Но Григорій Ивановичъ, сверхъ напускной холодности и серьезности, отличался еще и излишнею требовательностью, неумѣньемъ прощать самые незначительные проступки и упрямымъ настаиваньемъ на своемъ, что, наконецъ, и привело его къ разладу съ

юнымъ Аксаковымъ, несмотря на всю силу взаимной привязанности между наставникомъ и воспитанникомъ (282—287).

Изъ «Воспоминаній» мы узнаемъ и то, что гимназіей былъ пополненъ въ жизни автора тотъ пробѣлъ его ранняго дѣтства, который заключался въ отсутствіи у него товарищей. Что онъ гордился нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые тутъ у него оказались, это видно изъ разсказа о происшествіи, такъ живо представлявшемся автору и подъ старость. Я разумѣю расправу гимназистовъ старшаго класса съ лицомъ, называвшимся у нихъ квартирмейстромъ, нещадно наказывавшимъ палками одного изъ служившихъ при гимназіи инвалидовъ. Гуманные юноши не только добились отъ этого, потѣшавшагося своею властью, злодѣя прекращенія жестокой расправы, но и вынудили у директора увольненіе самого квартирмейстра. Вслѣдъ затѣмъ, вслѣдствіе предательскаго образа дѣйствій директора, въ гимназію были однако-же введены солдаты съ ружьями, и такъ-называемые зачинщики (Дмитрій Княжевичъ и др.), все самые лучшіе ученики, были исключены изъ гимназіи безъ аттестаціи въ поведеніи. Но Дмитрій Княжевичъ, опредѣлившись какъ-то на службу въ Петербургъ, чрезъ брата своего, оставшагося въ гимназіи, надолго сохранилъ близкую связь съ бывшими своими товарищами. Письма его къ брату читали торжественно во всеуслышаніе. Самого Аксакова во время этого происшествія не было на лицо въ гимназіи: онъ былъ умышленно задержанъ дома Г. И. Карташевскимъ. «Безъ всякаго сомнѣнія, — говоритъ онъ, — я былъ-бы однимъ изъ самыхъ горячихъ участниковъ въ этомъ несчастномъ происшествіи» (289). Изъ разсказа ясно, какъ сильно дѣйствовало на него тогда товарищество. Всякій разумный педагогъ, разумѣется, выведетъ изъ этого только новое фактическое доказательство, какое громадное нравственное значеніе имѣетъ вообще товарищество и какъ не дальновидна та педагогическая администрація, которая не считается съ этою несомнѣнною воспитательною силою или, что еще хуже, старается ее

подорвать, задается гнусною цѣлью вытравить товарищескій духъ изъ учебнаго заведенія.

Чудная сила товарищескаго авторитета засвидѣтельствована Аксаковымъ также и въ одномъ изъ его отдѣльныхъ воспоминаній,—томъ, которое посвящено *встрѣчѣ съ мартинистами*. Тутъ выступаетъ передъ нами казанскій студентъ Балясниковъ, котораго нравственная власть надъ товарищами дѣйствительно могла-бы быть названа «сильною властью». «Случилось однажды,—вспоминаетъ Аксаковъ,—что казенный студентъ П. былъ сильно заподозрѣнъ, но не уличенъ, въ поступкѣ весьма неблаговидномъ; а какъ онъ упорно заперся, то подозрѣніе падало на другого студента, совершенно невиннаго по общему нашему убѣжденію. Балясникову это было досадно, и онъ сказалъ намъ: «пойдемте, господа, я при васъ допрошу П., онъ у меня признается во всемъ...» Такъ и сдѣлали. «Балясниковъ подошелъ къ нему одинъ, а мы стояли отдѣльною толпою вокругъ нихъ; Балясниковъ принялъ величавое положеніе, сложилъ на груди руки и молча нѣсколько времени смотрѣлъ на П.; взглядъ голубыхъ, устремленныхъ глазъ Балясникова по-истинѣ имѣлъ въ себѣ что-то пронзительное. Я самъ видѣлъ, что П. и краснѣлъ и блѣднѣлъ, хотя, не поднимая глазъ, по-видимому, пристально занимался своей работой. Наконецъ Балясниковъ грозно и повелительно сказалъ: «господинъ П., извольте бросить ваше занятіе, товарищи пришли судить васъ... Посмотрите-ка мнѣ въ глаза,—продолжалъ Балясниковъ тѣмъ-же грознымъ голосомъ.—Погляжу я, какъ вы запретесь? Сейчасъ извольте признаваться; вы сдѣлали поступокъ, который мараетъ всѣхъ насъ»? — И П. едва взглянулъ на Балясникова, какъ въ ту-же минуту дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ: «я». Онъ самъ послѣ говорилъ, что далъ клятву себѣ не признаваться, что онъ не понимаетъ, какая невѣдомая сила заставила его признаться». Тому-же Балясникову, поступившему въ военную службу и раненому въ одну изъ Наполеоновскихъ войнъ, довелось одержать нравственную побѣду надъ самымъ Аракчеевымъ. Долго непринимаемый имъ,

онъ черезъ ординарца сказалъ этому грозному временщику, что онъ страдаетъ отъ раны и ждать не можетъ и не вѣрить, чтобы русскій военный министръ заставилъ дожидаться русскаго военнаго офицера. Онъ былъ принятъ и, на вопросъ Аракчеева, что ему угодно, отвѣчалъ, что прежде всего ему «угодно сѣсть, потому что онъ страдаетъ отъ раны и стоять не можетъ». Онъ прямо сказалъ затѣмъ Аракчееву, что ему нужны средства на лѣченіе, нуженъ спокойный уголь, нужно ѣсть и пить, а что денегъ у него теперь ни гроша. Озадаченный Аракчеевъ существеннымъ образомъ поддержалъ его. Передавшій это Аксакову очевидецъ замѣтилъ при этомъ: «велика важность, что есть люди, которые заговариваютъ ядовитыхъ змѣй. Нѣтъ, поди-ка, заговори Аракчеева» (III, 142—144). Хотя и нарисованный только въ общихъ чертахъ, образъ Балясникова, боготворимаго солдатами и преждевременно умирающаго имъ на горе, какъ въ древности Скопинъ-Шуйскій или Скобелевъ въ горемычные наши дни, глубоко врѣзывается въ нашу память, какъ живое свидѣтельство о томъ, что значить въ обществѣ люди, дѣйствительно «власть имущіе». Всякая виѣшняя сила невольно отступаетъ передъ ними, какъ стая разъяренныхъ псовъ передъ человѣкомъ, смѣло идущимъ на нихъ и озадачивающимъ ихъ и своимъ взглядомъ, и своею поступью. Про такихъ-то людей и сложилась пословица: «смѣлымъ Богъ владѣеть», и горе обществу, въ которомъ ихъ вовсе не станетъ!

Воспоминанія о мартинистахъ, какъ можно ожидать и по самому заглавію, заключаютъ въ себѣ и очень любопытныя подробности объ этихъ мистикахъ, съ одной стороны доводившихъ религіозную экзальтацію до способности какъ-бы не чувствовать самыхъ тяжелыхъ семейныхъ потерь, съ другой-же стороны доводившихъ принципъ безгласнаго повиновенія до того, что, напримѣръ, по требованію одного изъ нихъ, Лабзина, на домашнемъ у него спектаклѣ долженъ былъ волею-неволею играть человѣкъ, который только-что потерялъ и не успѣлъ еще схоронить отца!

Много любопытнаго заключается, разумѣется, и въ другихъ воспоминаніяхъ Аксакова — объ отдѣльныхъ лицахъ или-же группахъ лицъ. Наименѣе интересными слѣдуетъ, конечно, признать «Литературныя и театральныя воспоминанія» съ 1812 по 1830 г., вошедшія въ 3-й томъ «Полнаго собранія сочиненій», а первоначально изданныя самимъ авторомъ въ «Разныхъ сочиненіяхъ» 1858 г. — хотя и нельзя согласиться съ категорическимъ приговоромъ Добролюбова (въ его особой статьѣ объ этой книгѣ ¹⁾), будто-бы этихъ «разныхъ сочиненій», по мелочности ихъ содержанія, вовсе даже не стоитъ читать. Вѣдь на повѣрку выходитъ, что эта «мелочность» есть только одинъ изъ признаковъ той литературной эпохи, которую въ лицѣ ея второстепенныхъ представителей характеризуетъ авторъ воспоминаній. Эти послѣднія всегда останутся важнымъ матеріаломъ для характеристики эпохи, но мы не обязаны останавливаться на нихъ, такъ какъ наша задача — прослѣдить собственно творческую струю въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова.

Сопоставляя то, что характеризуетъ онъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, съ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ подъ старость, мы должны изумляться той воспримчивости, въ силу которой мы не можемъ не помѣстить его въ число самыхъ крупныхъ представителей Гоголевской школы. Но, молодѣя духовно съ Гоголемъ, старикъ Аксаковъ поспѣвалъ за молодымъ поколѣніемъ и подъ вліяніемъ собственныхъ своихъ сыновей, особенно Константина Сергѣевича. Этимъ-то и объясняется его чуть не предсмертное стихотвореніе: «При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ», появившееся почти заодно со стихотвореніемъ на ту-же тему его другого сына, Ивана Сергѣевича. Отецъ столь-же горячо, какъ и сыновья, привѣтствовалъ свободу, говоря родной своей Руси:

Съ плечь твоихъ спадасть бремя;
Докажи, что не рабой

1) Соч. т. I.

Прожила ты рабства время,
А смирилась предъ судьбой...

Покажи намъ, какъ оковы
Скинешь ты съ могучихъ ногъ,
Какъ пойдешь ты въ путь свой новый,
Какъ шагнешь черезъ порогъ,
О который спотыкались
Люди тысячу вѣковъ...

Но старикъ не даромъ уже стоялъ тогда у дверей гроба. Онъ глядѣлъ съ высоты своего, пріобрѣтеннаго за всю его долгую жизнь и подкрѣпленнаго неувлекающею наукою, строгаго опыта, а потому въ раздумьи и спрашивалъ:

Какъ проснется жизнь народа,
Какъ прервется тяжкій сонъ?
Тихаа-ль взойдетъ свобода
И незыблемый законъ?
Въ церковь ли пойдешь съ смиреньемъ,
Иль, начавши кабакомъ,
Всѣ свои недоумѣнья
Порѣшишь ты топоромъ?
Какъ узнать? Судебъ народныхъ
Не проникнуть въ мракъ и даль,
Не постичь путей исходныхъ,
Богомъ вписанныхъ въ скрижали ¹⁾.

Такое раздумье, къ сожалѣнію, слишкомъ уже оправдалось многими грустными явленіями, послѣдовавшими за освобожденіемъ крестьянъ, но разумно объясняемыми, разумѣется, только тѣмъ, что освобожденіе *слишкомъ запоздало*, а вовсе не пришло преждевременно, какъ могутъ утверждать или очень недалекіе, или нравственно очень неказистые люди. Во всякомъ случаѣ въ раздумьи Сергѣя Тимоѣевича странно бы было видѣть старческую привычку къ прежнему и затаенную жалость о немъ. Мы, впрочемъ, потому только и говоримъ объ этомъ, что въ одномъ совершенно новомъ трудѣ насъ приглашаютъ вспомнить о томъ, «съ какимъ добродушіемъ относится Сергѣй Тимоѣевичъ къ крѣпостному праву».

¹⁾ «И. с. соч», т. III, стр. 455—56.

Мы желали бы полагать, что тутъ даже не недоразумѣніе, а просто неточность или неясность выраженія. Со всѣмъ уже другое то, что говорится въ томъ же трудѣ въ другомъ мѣстѣ: «описывая самодурство Степана Михайловича, внукъ-авторъ все-таки родственно и любовно къ нему относится; изображая непривлекательныя стороны старо-помѣщичьей жизни, авторъ все-таки полонъ любви къ этому быту, какъ къ части самого себя, какъ къ обстановкѣ, среди которой прошли дорогіе каждому человѣку годы юности. Со всѣми своими недостатками эта жизнь близка ему и любима... На читателя заразительно дѣйствуетъ теплое отношеніе автора къ предмету повѣствованія, ему сообщается его горячее участіе къ изображаемымъ лицамъ, и въ общемъ результатъ этотъ личный элементъ значительно усиливаетъ непосредственно-литературное впечатлѣніе»¹⁾. У С. Т. Аксакова,—можемъ мы, кажется, прибавить,—замѣчается, пожалуй, еще и намекъ на господствующее природное добродушіе русскаго человѣка, въ силу котораго до *нѣкоторой степени* смягчались даже тѣ невозможныя отношенія, которыя заведены были крѣпостнымъ правомъ, и дѣло такимъ образомъ не доходило не только до американскаго плантаторства (даже въ XVIII в., когда наши объевропейшіеся бары вообразили себя какою-то высшею расой сравнительно съ народомъ), но даже и до сплошной Куролесовщины. Не забудемъ при этомъ, что даже про Куролесова «внукъ Степана Михайловича нашелъ въ крестьянахъ свѣжую, благодарную память, потому что они чувствовали постоянную пользу многихъ его учрежденій, забыли его жестокость, отъ которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умѣнье отличать праваго отъ виновнаго, работающаго отъ лѣниваго, совершенное знаніе крестьянскихъ нуждъ и всегда готовую помощь»²⁾. Вовсе и не думая «добродушно относиться

1) Краткій біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ С. А. Венгерова, стр. 242 и 199.

2) «П с. соч.» С. Т. Аксакова, т. I, стр. 69—70.

къ крѣпостному праву», Аксаковъ во многомъ сочувственно рисовалъ намъ старый помѣщичій бытъ и людей, въ немъ жившихъ, сочувственно рисовалъ во многихъ отношеніяхъ нравственную природу русскаго человѣка вообще, какъ и физическую природу русской земли со всѣмъ ея птичьимъ и звѣринымъ міромъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ и находилъ Хомяковъ, вмѣстѣ съ критикомъ «Русской Бесѣды», что «С. Т. Аксаковъ первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на русскую жизнь съ положительной, а не съ отрицательной точки зрѣнія». А К. С. Аксаковъ, держась того-же воззрѣнія, полагалъ, что отецъ его даже «стоитъ особнякомъ въ русской литературѣ». Это мнѣніе въ упомянутомъ уже нами новомъ трудѣ не только признается «безусловно вѣрнымъ», но и «объясняющимъ въ известной степени причины успѣха «Семейной хроники». Издатель того же труда по этому поводу спрашиваетъ: «какъ же въ самомъ дѣлѣ не особнякомъ стоитъ она въ литературѣ, когда даже нѣтъ почти возможности подвести ее подъ какой-нибудь опредѣленный типъ литературныхъ произведеній. Что такое представляетъ собою «Семейная хроника» по формѣ и содержанію? Романъ, повѣсть, мемуары? Ни то, ни другое, ни третье. Въ романѣ или повѣсти даже самаго протокольнаго свойства, выражаясь современной терминологіей, нужна все-таки *выдумка*, нужна какая-нибудь завязка и развязка. Но ничего подобнаго нѣтъ въ «Семейной хроникѣ», гдѣ все отъ первой строки до послѣдней есть правдивый рассказъ о событіяхъ, разыгравшихся въ нѣдрахъ Аксаковскаго семейства. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, однако, «Семейная хроника» и не мемуары, потому что въ ней все-таки не строго историческая, а беллетристическая группировка событій, и авторъ фактическую основу дополняетъ подробностями исключительно художественнаго свойства, — подробностями, *вѣроятно* имѣвшими мѣсто. И выходитъ слѣдовательно въ общемъ итогѣ, что уже по внѣшнимъ качествамъ своимъ «Семейная хроника» — произведеніе въ высшей степени своеобразное, ни подъ одинъ изъ обыч-

ныхъ разрядовъ литературныхъ произведеній неподво-
димое и, значить, дѣйствительно «особнякомъ стоящее».
Между тѣмъ, вѣдь «Семейная хроника» (по нашему мнѣ-
нію, однако же, купно съ «Дѣтскими годами Багрова»,
какъ вполне достойнымъ ея продолженіемъ) и является
основою громкой извѣстности С. Т. Аксакова, принадлежа
«къ числу тѣхъ, составляющихъ гордость русскаго слова,
литературныхъ произведеній, которыя должны быть зна-
комы каждому образованному русскому» ¹⁾.

¹⁾ Словарь С. А. Венгерова, стр. 191—192.

